PROCESSED
APR 25 2007
GTU LIBRARY

ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе къ журналу

„Православная Русь".

7

ІЮЛЬ 1958 JULY

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.

Entered as second-class matter at the post office at Jordanville, New York

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слово въ воскресеніе 13/26 іюля 1931 года. Приснопамятнаго архіепископа Симона 3
Христосъ стучитъ! Стихотвореніе М. Домашевичъ 4
Вечеръ субботній. Извлечено изъ книги: «Праздники Господни» (К. П. Побѣдоносцева) 5
Прошлое Глинской Пустыни. Архим. Серафимъ (Вербинъ) 6
Хлѣбъ нашъ насущный. Петра Святкина 8
Кипарисный натѣльный крестикъ. Георгія Вагапова 12

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Житіе св. Ѳеодора, епископа Эдесскаго М. В. 17

Училище благочестія.

О Таинствѣ Покаянія. (Вступительный докладъ на Пастырскомъ Совѣщаніи 1958 г.) Епископа Аверкія 29
Приснопамятнаго еп. Игнатія Брянчанинова О молитвѣ Іисусовой. (Продолженіе) 34

ИМѢЮТСЯ НА СКЛАДѢ:

БОГОСЛУЖЕБНЫЕ КАНОНЫ НА ДВУНАДЕСЯТЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Въ русскомъ переводѣ съ введеніемъ и объяснительными примѣчаніями Проф. С.-Петербургской Духовной Академіи Евграфа Ловягина. Въ книгѣ 134 стр. 1947 г. Цѣна 1.00 долларъ.

ОТКРОВЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ СТРАННИКА ДУХОВНОМУ СВОЕМУ ОТЦУ.

I-я и II-я части вмѣстѣ 293 стр.. Третье изданіе. Парижъ. Цѣна $ 2, 25.

БОГОМОЛЬЕ, Ив. Шмелевъ. 189 стр. изд. второе. Парижъ.
ЛѢТО ГОСПОДНЕ. Ив. Шмелевъ. 527 стр. Парижъ.
Цѣна 4.00 доллара.

Слово въ воскресеніе 13-26 іюля 1931 года.

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП. СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

Въ предыдущіе воскресные дни я началъ говорить о строеніи Царства Божія на землѣ и о томъ, какъ мы можемъ послужить этому строенію.

Нужно быть истинными учениками Христовыми, нужно сообразоваться съ тѣмъ единственно, что во Христѣ видимъ или отъ Христа слышимъ, т.е. что видимъ въ вѣрныхъ служителяхъ Христовыхъ или что отъ нихъ слышимъ. Тогда строй нашей жизни самъ собой начнетъ выдѣляться въ окружающей насъ средѣ — какъ сказалъ Господь ученикамъ Своимъ: «по тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою». (Іоан. 13, 35).

Много народа собиралось къ Господу Іисусу Христу слушать Его ученіе, но только 12 апостоловъ, избранныхъ Имъ изъ числа многихъ, постоянно были съ Нимъ. И эти двѣнадцать какъ бы ревновали о своемъ преимуществѣ считаться учениками Христовыми. Однажды Іоаннъ сказалъ Господу: «Учитель, мы видѣли человѣка, который именемъ Твоимъ изгоняетъ бѣсовъ, а не ходитъ за нами, и запретили ему, потому что не ходитъ за ними» (Марк. 9, 38). Какъ бы такъ говоритъ: Господи, онъ не ученикъ Свой, зачѣмъ же онъ дѣлаетъ то, что Ты поручилъ намъ.

Отвѣчая на это, Господь не велѣлъ запрещать изгонять бѣсовъ и тому, кто не ходитъ за Нимъ, какъ избранный ученикъ Его, но Своими учениками, достойными Себя, Онъ считалъ только тѣхъ, которые ради Него готовы были оставить все свое; тѣхъ же, которые обнаруживали малодушіе и ради мірскихъ привязанностей готовы были откладывать предлежавшій имъ подвигъ служенія Богу, такихъ Господь называлъ неблагонадежными для Царства Божія.

Сказалъ Господь одному изъ послѣдователей Своихъ: «слѣдуй за Мною». Тотъ сказалъ: Господи, позволь мнѣ прежде пойти

и похоронить отца моего. Но Іисусъ сказалъ ему: предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ, а ты иди, благовѣствуй Царство Божіе. Еще другой сказалъ: я пойду за Тобою, Господи, но прежде позволь мнѣ проститься съ домашними моими. Но Іисусъ сказалъ ему: никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для Царства.» (Лук. 9, 59-62).

Еще сказалъ Господь: «Кто не несетъ креста своего и идетъ за Мною, не можетъ быть Моимъ ученикомъ» (Лук. 14, 27).

Итакъ, чтобы быть дѣйствительно учениками Христовыми, способными участвовать въ строеніи Царства Божія, мы должны и дѣломъ и словомъ неослабно исполнять единственно Господни постановленія, должны быть какъ овцы Христовы, которыя слушаютъ единственно голоса собственнаго Пастыря, и за Нимъ послѣдуютъ, за чужимъ же не идутъ.

ХРИСТОСЪ СТУЧИТЪ!

"Се, стою у двери и стучу. Если кто услышитъ голосъ Мой и отворитъ дверь, войду къ нему и буду вечерять съ нимъ, и онъ со Мною» (Откр. гл. 5 ст. 20).

Услыхавъ стукъ Спасителя, мытарь Закхей
Обновился душою мгновенно, —
Встрѣтивъ Господа Бога у двери своей,
Онъ пріялъ Его въ Домъ свой смиренно.

Онъ воскликнулъ, ликуя: "Ты ль, Господи, Самъ
Къ недостойному входишь Закхею?!
Всѣмъ обиженнымъ мною я нынѣ раздамъ
Половину всего, что имѣю".

Постучался и къ блудному сыну Христосъ.
Тотъ сидѣлъ нагъ и босъ у дороги
И на Господа гласъ покаянье принесъ,
Поклонившись родителю въ ноги.

И разбойникъ разумный, на древѣ креста
Въ тяжкихъ мукахъ свой духъ испуская,
Отозвался на зовъ благодатный Христа
И вошелъ съ Нимъ въ обители рая.

И тебя призываетъ Христосъ. Онъ стучитъ
Въ твое сердце незримой рукою.
Воспряни же скорѣй, коль душа твоя спитъ!
Встрѣть Спасителя съ бодрой душою.

М. Домашкевичъ. Льежъ.

Вечеръ субботній *).

Встань, вѣтеръ сѣверный, и подуй южный вѣтеръ, въ саду моемъ, и закаплютъ его ароматы... Сплю я, но не спитъ сердце мое — и вотъ, слышно, гласъ возлюбеннаго ударяетъ въ двери: отопри, сестра моя, ближняя моя, голубица моя, чистая моя...

Пѣсн. пѣсн. IV, 16. V, 2.

Такъ говорила невѣста, когда ждала жениха своего, и вся душа ея трепетала горячимъ ожиданіемъ желаннаго счастья. Мало ей было думать и любить: видѣть хочетъ она того, кому отдалась душа ея, назвать его своимъ, всю себя еще разъ отдать ему, собрать всѣ свои сокровища для него, и всю красоту свою и всю свою доброту въ праздничномъ нарядѣ поставить ему на радость. Пришло ея время: всѣхъ и все хочетъ забыть она, кромѣ того, кому несетъ свою душу: она оставила всякую работу, она отослала всѣхъ чужихъ, и всѣ остатки ежедневнаго суетливаго шума заглушила въ себѣ. Она убрала свой домъ для желаннаго гостя, — все приготовила — и ждетъ, когда стукнетъ въ двери, когда войдетъ онъ, и за нимъ затворится дверь. Садъ насадилъ ей возлюбленный женихъ ея, и каждый день раститъ она и поливаетъ и украшаетъ свой садъ — и хочетъ ему показать его въ цвѣтахъ и свѣжей зелени. — "Приди, зоветъ она, — приди, полуденный вѣтеръ, и подуй на вертоградъ мой, и пусть закаплютъ его ароматы".

Вотъ, идетъ къ тебѣ женихъ твой, душа. Такъ ли ты любишь его, такъ ли трепещешь горячимъ ожиданьемъ, такъ ли жаждешь принять жениха своего, видѣть его, для него все забыть, и приготовить ему торжество свое и еще разъ сказать ему: я твоя, и ничья больше. Цѣлую недѣлю не приходилъ онъ; цѣлую недѣлю работала ты въ суетѣ житейской, цѣлую недѣлю подъ окнами твоими былъ шумъ рыночный и стучались въ дверь твою прездные посѣтители. Входили къ тебѣ, и садились съ тобою, и глядѣли тебѣ въ глаза и ловили твои желанья, и говорили тебѣ про красоту, говорили про любовь, и обѣщали тебѣ честь и веселіе. Слушала ты ихъ? соблазнялась льстивами ихъ рѣчами? надѣвала нарядъ свой и выходила гулять съ ними, и величалась ихъ честью и любовью? Или въ тишинѣ дѣлала ты свое дѣло и между льстивыхъ рѣчей думала: о, когда опять придетъ желанный, кому отдала я свое сердце, кому готовлю жизнь свою, для кого украшала себя красотою: онъ меня любитъ, онъ каждый день шлетъ мнѣ привѣтъ и ласку и обѣщаетъ приходъ свой.

Вотъ, прошла недѣля, и онъ идетъ опять оживить твою усталость, и несетъ тебѣ радость свиданія и торжество праздничное. Онъ сказалъ, уходя въ послѣдній разъ: приду опять въ субботу вечеромъ. Сложи свою

---

*) Извлечено изъ книги: «Праздники Господни» (К. П. Побѣдоносцева).

работу, сними свое рабочее платье, надѣнь праздничный нарядъ свой. Посмотри — вечеръ подходитъ, и тихимъ свѣтомъ засіяло надъ холмами и рощами села твоего заходящее солнце. Пахарь оставляетъ соху свою, послѣдніе снопы сложены на гумно, и стадо возвращается домой съ поля. Вѣтеръ утихъ: каждый листъ на деревѣ стоитъ неподвижно и сквозитъ на солнцѣ изумруднымъ свѣтомъ молодой зелени; каждая былинка на землѣ, свѣсивъ головку, ждетъ росы вечерней; каждый колосъ на неубранномъ полѣ отдыхаетъ, облитый золотистымъ свѣтомъ вечернихъ лучей. Слышишь — зазвонилъ въ неподвижномъ воздухѣ вечерній колоколъ, видишь — народъ потянулся къ церкви пестрою толпою.

Приди же, тихій вѣтеръ, и подуй на мою молодую рощу! Проснись, зеленый садъ мой, собери и пролей свои ароматы и на встрѣчу желанному жениху. Онъ идетъ — не спитъ мое сердце, — и чу! гласъ возлюбленнаго ударяетъ въ двери.

Іюнь. 1860.

Прошлое Глинской Пустыни.

Настоятель и возобновитель Глинской пустыни, игуменъ о. Филаретъ, былъ современникомъ преп. Серафима Саровскаго. Будучи мальчикомъ онъ поступилъ въ Кіево-Печерскую Лавру и былъ опредѣленъ на клиросное послушаніе — канонархомъ въ великой церкви. Обладая сильнымъ чистымъ альтомъ, при дивной акустикѣ великаго храма, малолѣтній канонархъ своимъ звонкимъ голосомъ обращалъ на себя вниманіе ни только братіи, но и всѣхъ богомольцевъ. Относительно личной встрѣчи и знакомства о. Филарета съ преп. Серафимомъ, послѣ сгорѣвшаго въ XIX вѣкѣ монастырскаго архива, трудно сказать. Но въ обители, особенно въ годы прославленія Преподобнаго, существовало предположеніе о ихъ встрѣчѣ въ Лаврѣ. Конечно, вполнѣ возможно, что юный паломникъ изъ города Курска, Прохоръ Мошнинъ, не могъ не замѣтить юнѣйшаго себя голосистаго канонарха Лавры, а бойкій послушникъ-канонархъ свободно могъ замѣтить благоговѣйно молящагося юнаго богомольца, желавшаго поступить въ братію, и искавшаго совѣта у прозорливыхъ подвижниковъ. И будто-бы канонархъ Ѳомушка сопровождалъ скромнаго юношу Прохора къ прозорливому Досиѳею, указавшему ему мѣсто спасенія, Саровскую обитель, а Ѳомушкѣ: «ты подрости тутъ, будешь нуженъ въ другую пустынь». Такъ это было или иначе, но духовная связь между ними несомнѣнно существовала. Это подтверждается не умирающимъ преданіемъ и видѣніемъ игуменомъ Филаретомъ восходящей на небо души скончавшагося въ Саровѣ подвижника іеромонаха о. Серафима. Объ этомъ видѣніи издавались, и въ обители продавались художественныя картины 8×12 вершковъ, печатавшіяся

съ разрѣшенія Духовной цензуры въ хромо-литографіи Е. И. Фесенко, въ Одессѣ.

Подъ Покровомъ Царицы Небесной и близкаго предстательства печерскихъ угодниковъ о. Филаретъ тщательно изучилъ уставъ, пѣніе и житія Св. Отцевъ, которымъ старался подражать всю свою жизнь.

Послѣ Петровскихъ реформъ и отобранія отъ монастырей угодій, многія обители приходили въ упадокъ и сокращались въ количествѣ братіи, а потому о. Филаретъ былъ переведенъ въ Софроніеву пустынь въ помощь престарѣлому архимандриту Ѳеодосію, собесѣднику знаменитаго старца о. Паисія (Величковскаго). Проживая по сосѣдству съ Глинской пустынью въ одной епархіи, о. Филаретъ слышалъ о ея нуждахъ и тяжеломъ положеніи, а также и Глинскіе отцы знали добраго трудолюбиваго софроніевскаго уставщика-регента іеромонаха Филарета, котораго послѣ смерти игумена, избрали своимъ настоятелемъ. Правда, не сразу о. Филаретъ согласился управлять другими, а предпочиталъ самому быть въ подчиненіи, но по неотступной просьбѣ осиротѣвшей братіи и, какъ видно, вспомнивъ предсказаніе: «ты, нуженъ въ другую пустынь», согласился.

Новый настоятель подъѣхалъ на простой телегѣ, на зеленомъ сѣнѣ, къ вратамъ обители, сошелъ съ воза, положилъ три земныхъ поклона передъ иконой Иверскія Божіея Матери надъ вратами, потомъ земно поклонился братіи, вышедшей встрѣчать своего Авву. Окинувъ грустнымъ взглядомъ ветхія постройки и бѣдно одѣтую братію, онъ прослезился. Но въ этотъ моментъ иноки вдохновенно запѣли тропарь: «Рождество Твое, Богородице Дѣво, радость возвѣсти всей вселенней»... Къ пѣнію братіи съ воздуха присоединилось мелодичное жужжанье пчелъ, и молодой рой, ставшій родоначальникомъ глинской образцовой пасѣки, тихо и мирно клубкомъ спустился на телѣгу, съ которой только что сошелъ о. Филаретъ. Торжественное пѣніе и пріятное знаменіе сѣвшаго роя ободрили молодого игумена, переступившаго порогъ врученной ему свыше обители. Съ несомнѣнною вѣрою въ помощь Божію и покровительство Царицы Небесной, о. Филаретъ усердно принялся за возобновленіе и реставрацію Глинской пустыни, а параллельно и за возстановленіе въ оной строгой монашеской жизни подъ руководствомъ опытныхъ старцевъ, помнившихъ бесѣды о. Паисія (Величковскаго) и совѣты архимандрита Ѳеодосія. Первымъ дѣломъ, какъ хорошо знающій уставъ и пѣніе, о. Филаретъ ввелъ въ обители Аѳонскій-Кіево-Печерскій уставъ: стройное молитвенное пѣніе, отчетливое неспѣшное чтеніе, благоговѣйное вдохновенное богослуженіе, разумное нелицемѣрное благочиніе, безпрекословное и безропотное послушаніе, отеческое и братское между собою отношеніе, къ старшимъ смиренное сыновнее почтеніе, къ младшимъ великодушное отеческое снисхожденіе. «Будьте братолюбивы, единомысленны: въ почтительности другъ друга предупреждайте» (Рим. XII, 10). Затѣмъ, при усердномъ участіи братіи занялся общей реставраціей обители: посадкой фруктовыхъ деревьевъ, ремонтомъ и украшеніемъ храмовъ, постройкой новыхъ зданій, насажденіемъ каштановъ, напоминающихъ Лавру, и украшающихъ весною монастырь своими грандіозными паникадилами. И такъ годъ за годомъ оби-

тель приходила въ цвѣтущее состояніе съ ежегоднымъ прибавленіемъ братіи. Одновременно съ внѣшнимъ украшеніемъ обители, росла, зрѣла и приносила «въ тайнѣ» духовные плоды общежительная жизнь иноковъ, подъ руководствомъ своего мудраго Аввы, его современниковъ и учениковъ схи-архимадрита Иліодора, видѣвшаго въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія печальную судьбу нашихъ монарховъ, конецъ династіи и горькую участь нашего Отечества; іеросхимонаха Макарія, видѣвшаго надъ братской кухней пламенный столбъ и молящагося въ немъ на воздухѣ монаха-повара Ѳеодота; архимандрита Макарія (Глухарева) постриженника Глинской пустыни, бывшаго начальника Алтайской миссіи; іеромонаха Василія (Кишкина) слушавшаго бесѣды о. Паисія (Величковскаго); іеромонаха Іоанна (Желѣзо), его мантіей изгоняли бѣсовъ въ Св. Горахъ, куда былъ посланъ для возобновленія сей пустыни; настоятеля архимандрита Иннокентія, въ міру Старооскольскаго дворянина, исцѣлившаго въ г. Сумахъ лежащую на смертномъ одрѣ отроковицу; схимонаха Архиппа, видѣвшаго Ангела; іеромонаха Домна — прозорливаго, ученика старца о. Иліодора, передавшаго его видѣніе; и другихъ старцевъ и подвижниковъ благочестія, которые не оскудѣвали въ обители до послѣднихъ дней. О нихъ кромѣ отдѣльныхъ изданій ихъ жизнеописанія много печаталось въ Почаевскомъ «Русскомъ Инокѣ» при архіепископѣ Антоніи и архимандритѣ Виталіи (нынѣ Архіепископѣ въ Америкѣ).

О нетлѣніи игумена Филарета, схи-архимандрита Иліодора и Архимандрита Иннокентія говорили старцы, видѣвшіе ихъ при расширеніи фундамента Соборнаго храма и усыпальницы, а также не сомнѣвались въ святости и нетлѣніи іеромонаха Макарія, схимонаха Архиппа и монаха Ѳеодота.

Съ настоятельствомъ игумена Филарета, какъ постриженника Кіевскихъ Пещеръ, возобновилось въ Глинской пустыни монашеское преемство и благословеніе Святой Аѳонской Горы, принесенное преп. Антоніемъ и насажденное святымъ Ѳеодосіемъ.

1. III. 1958 г.

Архим. СЕРАФИМЪ (Вербинъ).

Хлѣбъ нашъ насущный...

Прочитавъ сообщеніе Телеграфнаго агентства Совѣтскаго Союза (ТАСС) о томъ, что въ 1957 году Поволжье было поражено засухой худшей, чѣмъ въ 1921 г., я задумался: значитъ опять десятки милліоновъ людей тяжко борются съ голодомъ; снова дѣти, милліоны дѣтей лишаются дѣтства, одни умираютъ, а другіе берутъ непомѣрныя заботы на свои слабенькія плечи и взрослѣютъ раньше времени, какъ нѣкогда мы, пережившіе страшный поволжскій голодъ 1921 года. Здѣсь, на Западѣ, даже въ военное и послѣвоен-

ное время, ничего такого, что было при большевицкомъ «плановомъ» хозяйствѣ, не было. Если назначали 200 граммовъ маргарина въ мѣсяцъ и 200 гр. хлѣба въ день, то каждый житель спокойно все это получалъ. А уже съ начала 50-хъ годовъ все стало въ изобиліи. Сейчасъ большинство людей на Западѣ настолько свыклись съ постояннымъ благополучіемъ, посылаемымъ милостью Божіей, что какъ то мало цѣнятъ его, считаютъ, что это такъ должно и быть. Даже родители, сами пережившіе немало горя, не всегда внушаютъ дѣтямъ уваженіе къ хлѣбу насущному и къ другимъ дарамъ Божіимъ. Иной разъ волнуешься и сердцемъ скорбишь, когда дѣти на улицѣ бросаютъ на землю куски хлѣба съ масломъ, булку или печенье, все то, чего мы въ дѣтствѣ даже въ пайкѣ лишены были.

Мнѣ хочется разсказать отдѣльные эпизоды изъ жизни нашей семьи въ 1918-1921 годахъ съ тѣмъ, чтобы читатели, хотя бы немного задумались надъ той трагедіей, которую переживалъ и переживаетъ русскій народъ. Можетъ быть, тогда они по-новому оцѣнятъ то, что такъ щедро посылаетъ Господь въ настоящее время. По понятнымъ причинамъ я не называю города, гдѣ протекало мое дѣтство.

Итакъ, небольшой волжскій городъ *N*. съ первыхъ дней октябрьской революціи сталъ терять свое вѣками устроявшееся благополучіе: закрывались лавки, хирѣли дотолѣ мощные и кипучіе базары; исчезали въ Чека уважаемые граждане; черезъ годъ уже не было ни одного частнаго магазина: все было реквизировано и національзировано; были введены на продукты питанія, на мыло и спички карточки — все, конечно, въ мизерномъ количествѣ, выдавалось неаккуратно, и, какъ всюду, гдѣ установилась совѣтская власть, въ нудныхъ «хвостахъ» — очередяхъ. Съ весны 1918 года большинство жителей стало засаживать большіе дворы, пустыри, палисадники овощами и картофелемъ. Мы имѣли при домѣ огородъ и вскопали еще два большихъ пустыря, которые дало намъ училище. Если и раньше мы, дѣти, сестра 13 лѣтъ, братъ 12 лѣтъ и я 10-ти лѣтъ, помогали старшимъ въ огородѣ, цвѣтникѣ, въ уборкѣ двора, то съ весны 1918 г. мы уже разстались полностью съ дѣтскими играми и забавами. Все лѣто переходили съ одной гряды на другую то съ полкой, то съ поливкой, то съ окучиваніемъ. Не было сахара, масла, молока, но хлѣбъ все же еще ѣли, хотя и порціями, но все же достаточно.

Съ 1919 года совѣтскій паекъ уменьшился до 50 граммовъ размолотаго овса въ день (одна девятая фунта). Всякая торговля была запрещена: ни мяса, ни жира, ни яицъ, ни муки — нельзя было купить. Горожане, справедливо разсудивъ, что овощи и картофель спасутъ отъ окончательнаго голода, вышли за городъ дѣлить цѣлину подъ огороды. Однако, сов. власть и тутъ вмѣшалась, предложивъ создать артели по совмѣстной обработкѣ огорода. Мы вошли въ артель 4-го района вмѣстѣ съ кузнецами и мастеровыми. Вмѣстѣ со взрослыми членами артели мы вставали въ рядъ и вскапывали землю, слежавшуюся за вѣка. Ухмылялись въ бороды кузнецы: гдѣ имъ малышамъ да еще «антелегентамъ»! — и требовали, чтобы намъ записывали полнормы. Но мы напрягали послѣднія силенки и свои дѣтскія сердца и такъ копали,

что часто обгоняли этихъ кузнецовъ, которые, то перекурку дѣлали, то новости обсуждали. Съ каждымъ днемъ теряли мы силы. Какъ хотѣлось ѣсть послѣ такой 4-5 часовой работы, а намъ семья могла дать лишь овсяную лепешку, величиной съ донышка стакана и тарелку какой-нибудь бурды. Насъ изводила тяжелая работа и голодъ; мы мечтали о кускѣ ржаного хлѣба, какъ о чемъ то сладостномъ и великомъ. Какъ мы мучились — одному Богу извѣстно! Вскорѣ и взрослые стали уставать, а вскопали лишь половину цѣлины. Тогда рѣшили часть засадить картофелемъ, а на другой части посѣять просо. Осенью сняли урожай и подѣлили на заработанные часы. Намъ досталось нѣсколько мѣшковъ картофеля и просо въ снопахъ. За 2 версты на телѣжкѣ мы возили эту драгоцѣнность къ себѣ домой. Затѣмъ осторожно обмолотили тяжелые снопы и отвезли просо на крупорушку, гдѣ пришлось ждать очереди 3 дня: получили 40 фунтовъ пшена. Какая же была вкусная каша изъ этого пшена! Но было ея мало для большой семьи, и ее варили лишь по воскресеньямъ.

Въ 1920 году отецъ, болѣвшій всѣ эти годы и тяжело переживавшій голодъ, холодъ и керосиновые фитильки, и мать, ухаживавшая за нимъ, предвидя худшее, предложили намъ записаться еще въ одну артель за 4 версты отъ города: тамъ предполагалась вспашка плугомъ. Часть семьи работала тамъ на посадкѣ картофеля и овощей. Въ нашей же артели 4-го района послѣ бурнаго собранія рѣшили весь огородъ раздѣлить на участки и обрабатывать индивидуально, какъ кто хочетъ и когда можетъ. Мы получили 4 участка: 2 — прошлогодней копки и 2 — цѣлины, всего около акра.

И вотъ, съ ранней весны мы, трое дѣтей, долбили эту цѣлину. Она была какъ камень, вся поросшая корневищами многолѣтнихъ травъ. 8-10 разъ приходилось ударять ногой въ лопату, чтобы отрѣзать кусокъ земли, затѣмъ обрубали верхній корневой слой и бросали его внизъ, какъ удобреніе, а отваленный кусокъ дробили на мелкую, удобную для посадки землю. И такъ тысячи разъ въ день. Мы трудились по 10-12 часовъ въ день, часто подъ дождемъ и въ непогоду. А нашъ завтракъ и обѣдъ составляли 2-3 картофелины, иногда соленый огурецъ и не всегда овсяная лепешка. И все же всѣ 4 участка были вскопаны и посажены: садили четвертинки картофеля и часто очистки, лишь бы былъ глазокъ. Когда отсѣялись, на семейномъ совѣтѣ рѣшили меня пристроить въ дальнюю артель, гдѣ заработокъ шелъ на часы — тамъ начиналась прополка.

Въ 5 часовъ утра я уже шагалъ съ пустой торбой за плечами въ дальній огородъ, со мной приспособились ходить на эту же работу два моихъ однокашника. Несмотря на невѣроятныя условія жизни, мы по зимамъ все же учились и, кажется, даже неплохо. Наша артель была около маленькой рѣчки. Трое мальчиковъ цѣлыми днями ползали на колѣняхъ, пололи разросшіяся травы-сорняки, разрыхляли междурядья моркови, свеклы и огурцовъ, поливали капусту. Въ 12 часовъ дня имѣли перерывъ на обѣдъ. Сторожъ огорода, молодой парень лѣтъ 18, никогда не помогалъ намъ: онъ цѣлыми днями лежалъ въ сарайчикѣ или спалъ или читалъ, лишь въ полдень

онъ лѣниво колотилъ въ рельсу, возвѣщая намъ обѣдъ, а въ часъ дня снова звонилъ — на работу пора! Я усердно собиралъ изъ сорняковъ траву-кашку. Вечеромъ я набивалъ свою торбу доверха и усталый, голодный несъ ее для нашей козы. Ломило все маленькое тѣльце, руки были ободраны о сорняки, Нѣкоторые ногти сломаны. Иные дни, когда заря съ зарей сходится, я вставалъ въ 4 ч. утра, а въ 5 ч. уже начиналъ работу, которая продолжалась до 9 ч. вечера. Въ 10 ч. приплетался я домой, но зато съ гордостью показывалъ свою трудовую книжку: тамъ нашъ лѣнивый сторожъ записалъ мнѣ 16 часовъ. Кто теперь оцѣнитъ это «геройство» 12 лѣтняго мальчугана? Когда стали поспѣвать огурцы, я къ своимъ 2-3 картофелинамъ сталъ добавлять ихъ въ большомъ количествѣ: я ѣлъ ихъ съ солью и безъ соли, охлажденные въ ручьѣ и почти горячіе съ грядки. Не говорю уже о разстройствѣ желудка, но потомъ 15 лѣтъ я не могъ видѣть огурцовъ, а особенно не могъ переносить ихъ запаха. И этотъ годъ былъ пережитъ. Наступалъ 1921 годъ. Уже ранней весной прятали мы свои старые латаные валенки и готовили къ сезону лапти: 3-й годъ мы всю весну и лѣто носили лапти — другой обуви у насъ не было. Одеженка, десять разъ перешитая, также была въ ужасномъ видѣ. И когда теперь видишь, какъ 14-15 лѣтніе мальчики и дѣвочки, имѣя по нѣсколько костюмовъ и платьевъ, капризничаютъ из-за ѣды, платья и проч., то невольно скажешь: у насъ большевики украли дѣтство. Въ 1921 году мнѣ шелъ 14-й годъ, брату — 16-й, а сестрѣ 17-й, ей какъ дѣвушкѣ, особенно хотѣлось надѣть хорошее платье и туфельки, а намъ приходилось ходить въ лаптяхъ, которые тоже нужно было беречь, такъ какъ они вымѣнивались на драгоцѣнность — соль. Уже въ серединѣ марта снѣгъ стаялъ, дули какіе-то необычайно теплые вѣтры; въ началѣ апрѣля можно было уже купаться въ рѣчкѣ. Къ этому времени совѣтскіе правители прекратили выдачу даже символическихъ 50 граммъ овсянки. Необычайно рано пришлось копать огороды, въ дальней артели тоже перешли на индивидуальне участки. Цѣлыми днями копали, возили и носили тяжести, устраивал гряды и т. п. Откуда брали силы, только удивляешься; я имѣлъ тогда 64 фунта вѣса. Питались травой, свареной и посоленой, остатками картофеля, конопляными жмыхами. Иногда нашъ сосѣдъ, завѣдующій столовой для делегатовъ, давалъ намъ особую марку и мы получали въ этой столовой полведра горячей воды съ рыбьими костями и полфунта овсянаго разсыпающагося хлѣба. Эти дни для насъ были памятными. Къ празднику Святой Пасхи готовились 3-4 мѣсяца: каплями собирали молоко отъ козы и передѣлывали его на творогъ. Урывали ложку-другую отъ овсянки или киселя и складывали къ празднику. Затѣмъ получили десятокъ яицъ на остатокъ соли и все же сдѣлали пасху, куличи и покрасили яйца луковыми перьями. Всѣмъ, конечно, досталось по микроскопическому кусочку, но «Христосъ Воскресъ» звенѣло въ дѣтской душѣ такъ полно и радостно, какъ едва-ли онъ звенѣлъ въ годы благополучія.

Горячіе вѣтры все усиливались, отъ жары сохли листья на деревьяхъ, выгорали травы. Наши послѣднія посадки въ огородахъ были въ горячую и сухую землю, садили и плакали — пропадемъ. Въ домашній огородъ возили

воду съ рѣки и отливали свеклу, морковь и тыквы. Свекольную ботву варили, добавляли крапиву и лебеду. Боролись за жизнь, какъ никогда. Пробовали ловить рыбу: въ рѣкѣ ея не было, еще въ 1917 году послѣ ужаснаго ливня всѣ плотины были прорваны и рыба ушла въ Волгу; для Волги же не было лодки и снастей, на удочку же съ пристани иногда вылавливали 1-2 фунта чекони.

До середины августа не было ни одной капли дождя, а затѣмъ пошли хорошіе, спорые дожди и Господь Богъ послалъ намъ знакъ своего заступничества за насъ: къ концу сентября на всѣхъ нашихъ огородахъ уродился такой картофель, какого мы еще никогда не видали. На каждомъ клубнѣ было всего 3-4 штуки, но какіе! Крупные, какъ молодые поросята по 1½-2 фунта! Досталось же намъ его возить на самодѣльной телѣжкѣ, но это была уже радость. Мы ѣли за завтракомъ отварной картофель, въ обѣдъ — супъ и соусъ, причемъ вволю, кто сколько хотѣлъ, этимъ возмѣщали отсутствіе хлѣба.

Зимой 1921-22 года Американскій Комитетъ помощи голодающимъ (АРА) сталъ раздавать намъ, школьникамъ, горячіе завтраки: ложку-двѣ каши, или супъ съ кусочкомъ настоящаго хлѣба. Но, разъ это дѣло попало къ совѣтчикамъ, то безалаберщина была страшная: 300 человѣкъ школьниковъ устремлялись къ бывшей раздѣвальнѣ, гдѣ происходила раздача, и свалка была отчаянная; затѣмъ лишь додумались выпускать по 2 класса, но и то порядку мало было. Тѣмъ не менѣе эта каша или супъ съ хлѣбомъ были вкуснѣе всякихъ тортовъ.

Затѣмъ пришелъ НЭП, свободная торговля, и стало легче, но огороды просуществовали до 1925 года и потомъ за ненужностью тихо окончили свое существованіе. Но потомъ въ годы войны и послѣвоенные все это повторилось: правители СССР, ничего не давая населенію, заставили его снова обратиться къ спасительнымъ загороднымъ огородамъ, къ добавочному тяжелому труду и безысходному полуголодному существованію.

И когда я иногда теперь говорю своимъ знакомымъ, имѣющимъ сына-крѣпыша 14 лѣтъ (130 фунтовъ) и дочь 13 лѣтъ: пріучайте ихъ постепенно къ труду. дайте имъ почувствовать вкусъ хлѣба. — и они мнѣ отвѣчаютъ: «Ахъ, они еще совсѣмъ слабенькія дѣти! — я лишь мысленно улыбаюсь горькой улыбкой, вспоминая свое тяжелое дѣтство.

ПЕТРЪ СВЯТКИНЪ.

Кипарисовый натѣльный крестикъ.

Легкая прозрачно-сѣрая дымка окутала небо. Солнце склонялось къ закату. Его въ полдень знойные лучи теперь равномѣрно разсѣивались, окрашивая западъ блѣдно-розовымъ нѣжнымъ цвѣтомъ. Безвѣтренно-тихо. Отъ опушки смѣшаннаго густого лѣса отдѣлилась цѣпь стрѣлковъ 1-го Крестьян-

скаго Краснаго Полка и стала медленно продвигаться фронтомъ черезъ скошеное поле къ высокому берегу неширокой рѣки, волнистой лентой пересѣкавшей ширь и даль зеленыхъ полей.

Красные успѣли продвинуться къ самой рѣкѣ, гдѣ раскинулась чистенькая деревушка съ привѣтливыми новыми избами, какъ навстрѣчу имъ поднялась другая цѣпь — отрядъ Бѣлыхъ. Противники оказались такъ близко другъ отъ друга, что могли простымъ глазомъ различить отдѣльныхъ стрѣлковъ.

Красными командовалъ Георгій. Никакихъ командъ подавать не пришлось. Все произошло само собой. Обѣ цѣпи залегли одновременно, угрожая другъ другу выкинутыми впередъ винтовками. Ни та ни другая сторона не рѣшалась открыть огонь — передъ ними были свои, братья, русскіе...

Георгій остался стоять за старымъ развѣсистымъ дубомъ, единственнымъ деревомъ на скошеномъ полѣ. На его молодомъ усталомъ лицѣ не отражалось никакой мысли. Онъ безразличными глазами смотрѣлъ на дальній стогъ сѣна, за которымъ замѣтилъ бѣлаго офицера. Досталъ полевой биноклъ и ясно различилъ фигуру и черты лица своего противника. Случайно ли, или такъ ужъ было нужно, но и бѣлый офицеръ сдѣлалъ то же самое — его биноклъ оказался направленнымъ на развѣсистый дубъ

Нѣсколько минутъ прошло въ напряженной тишинѣ. Первый выстрѣлъ раздался со стороны красныхъ: у кого-то не выдержали нервы. Немедленно поднялась оглушительная трескотня, не причинявшая вреда ни тѣмъ ни другимъ. По цѣпи красныхъ пронеслось: «Бѣлые обходятъ!» Дѣйствительно, небольшая группа отдѣлилась и стала медленно продвигаться впередъ, огибая правый флангъ противника.

Георгій махнулъ рукой — отступать!

Красные побѣжали. Бѣлые не преслѣдовали. Только обходившая группа открыла мѣткій огонь по бѣгущимъ. Нѣсколько человѣкъ упало. Упалъ и Георгій у самаго перелѣска. Онъ не былъ ни убитъ, ни раненъ.

Стрѣльба прекратилась. Онъ быстро поползъ къ перелѣску и скрылся въ кустахъ. Совсѣмъ стемнѣло. Тревожная тишина. Не слышно даже легкаго шелеста листьевъ. Онъ бросилъ винтовку, забрался въ самую гущу, легъ на спину сталъ смотрѣть на безоблачное, потемнѣвшее небо, усыпанное яркими звѣздами. Онъ чувствовалъ, что долженъ обдумать свое положеніе, что-то предпринять, на что-то рѣшиться, но въ головѣ было пусто. Усилія воли на чемъ-то сосредоточить мысль не привели ни къ какому успѣху. Короткая борьба съ самимъ собой уступила мѣсто безмятежному сну молодости.

Проснулся онъ, когда было уже совсѣмъ свѣтло. Только хлопотливое щебетаніе птицъ нарушало тишину. Солнце, очевидно, только еще поднялось надъ горизонтомъ — его косые лучи мягко, тепло пробивались сквозь гущу лѣса.

Георгій поднялся съ земли, ощущая молодую силу и радость ранняго лѣтняго утра. Онъ не чувствовалъ никакой тревоги: то, что должно произойти, произойдетъ. Онъ углубился въ лѣсъ. Двигался машинально, бездумно, не ища направленія. Шелъ, куда Богъ приведетъ. Добрелъ до опушки. Какой-

то мальченка стоялъ, прислонившись къ могучей соснѣ. Въ одной рукѣ онъ держалъ непомѣрно длинную трость, другой у рта поддерживалъ дудку, наигрывая пастушечій мотивъ. Появленіе посторонняго человѣка его нисколько не испугало, ничуть не потревожило даже. Онъ не обернулся. Только одна его босая нога приподнялась, согнулась въ колѣнѣ и ступня прилипла къ колѣну другой ноги. На лужайкѣ передъ опушкой мирно паслось стадо коровъ.

«Эй, паренекъ!»

Мальчикъ обернулся спокойно. Его большіе темные глаза подъ густыми рѣсницами, казалось, смотрѣли затуманеннымъ взоромъ.

«Ты здѣшній?»

«Ну да, а что?»

«Знаешь, что вчера происходило здѣсь неподалеку?»

«Знаю».

«Гдѣ красные, гдѣ бѣлые?»

«А кто ихъ знаетъ! Какіе-то бѣжали туда — онъ указалъ направо — какіе-то пробѣжали тоже туда. Да кто ихъ знаетъ, кто они!»

Георгій пошелъ въ указанномъ направленіи. Вышелъ на крѣпкую, сухую проселочную дорогу. Только теперь неясное волненіе стало тревожить его. Онъ двигался медленно, глубоко вдыхая утренній ароматный воздухъ, напоенный запахомъ земли и сосноваго лѣса. Справа и слѣва колыхалась нива ржи и овса подъ легкимъ дуновеніемъ вѣтра. Вдали виднѣлась живописная деревушка, ярко освѣщенная высоко поднявшимся солнцемъ. Еще дальше, ближе къ горизонту раскинулось большое село.

Онъ подошелъ къ деревушкѣ. Сейчасъ онъ долженъ встрѣтиться съ бѣлыми. Что-то ждетъ его? Неясная тревога шевелилась въ груди. Навстрѣчу показался среднихъ лѣтъ бородатый крестьянинъ. На рукавѣ бѣлая повязка.

«Гдѣ штабъ бѣлой части?»

«Намедни стоялъ въ той крайней хатѣ, да кажись снялся!»

Въ крайней избѣ, какъ и во всей деревнѣ, не оказалось ни одного солдата. Пошелъ дальше, къ большому селу. Чѣмъ ближе подходилъ, тѣмъ ярче сіялъ золотой крестъ на большой каменной церкви, стоявшей на отлетѣ. Онъ украдкой перекрестился. Легче не стало. Тревога росла. У каменной церкви невольно остановился.

«Господи, прости меня грѣшнаго. Да будетъ воля Твоя!» На этотъ разъ истово перекрестился и поклонился до земли. Стало спокойнѣе на душѣ, какъ-то чище, яснѣе.

Никто его не останавливалъ, никто не спрашивалъ, что ему нужно, куда онъ идетъ, никто не обращалъ на него никакого вниманія. Онъ дошелъ до самой большой избы, нерѣшительно открылъ дверь и оказался въ просторной комнатѣ, гдѣ вдоль стѣнъ стояли скамьи, а по срединѣ большой тесовый столъ. Въ углу висѣла небольшая икона.

Здѣсь помѣщался штабъ спеціальнаго отряда бѣлыхъ, самочинно сформировавшийся изъ солдатъ и офицеровъ, родные которыхъ были замучены большевиками.

«Въ чемъ дѣло?» — обратился къ Георгію одинъ изъ четырехъ офицеровъ, находившихся въ помѣщеніи.

Георгій отрекомендовался: «Я былъ полу-ротнымъ въ Красной арміи и перехожу къ Бѣлымъ».

Такое заявленіе вызвало живой интересъ молодыхъ офицеровъ. Они дружелюбно разспрашивали о подробностяхъ перехода, о состояніи красныхъ частей. Поинтересовались, нѣтъ ли махорки. Махорка оказалась. Они скрутили «козью ножку».

«Вамъ придется подождать. У насъ тамъ совѣщаніе» — указали они на сосѣднюю комнату, откуда доносился оживленный разговоръ.

Онъ спокойно сѣлъ на лавку. Волненія какъ не бывало. Радушный пріемъ разсѣялъ тревогу.

Въ сосѣдней комнатѣ командиру доложили о Георгіи. Онъ на мигъ задумался, сморщилъ лобъ.

«Господа, въ сосѣдней комнатѣ находится бывшій подпоручикъ. Въ Красной арміи занималъ должность командира полуроты. Онъ яко бы добровольно переходитъ къ намъ. Разслѣдовать это дѣло — на то у насъ нѣтъ времени, а у меня, сознаюсь, и никакой охоты. Вотъ двѣ возможности на ваше усмотрѣніе: либо отправить въ тылъ, либо разстрѣлять на мѣстѣ».

Въ комнатѣ воцарилась тяжелая тишина. Офицеры тревожно переглядывались, какъ бы стараясь узнать мнѣніе сосѣда. Командиръ отвернулся къ окну.

А въ это время Георгій мирно сидѣлъ на скамьѣ. Спокойствіе не покидало его. Онъ мысленно прощался съ прошлымъ. Вѣдь онъ теперь у Бѣлыхъ и Богъ знаетъ, вернется ли когда-нибудь въ родные края. А вернуться онъ долженъ. Вѣдь ему было сказано: «Ты отдашь мнѣ его, когда возвратишься съ войны». Онъ улыбнулся свѣтло и нѣжно. Въ памяти встала ихъ маленькая усадьба подъ Москвой. Густой запущенный садъ съ прошлогодней опавшей листвой на тѣнистыхъ дорожкахъ, заглохшія цвѣточныя клумбы передъ широкой террасой деревяннаго дома. Шестнадцатилѣтняя Маня на скамьѣ нагнулась къ «анютинымъ глазкамъ», любуясь переливомъ красокъ ихъ лепестковъ. Изподлобья поглядываетъ на него своими сине-бархатными глазами сквозь густыя рѣсницы. Онъ стоитъ безмолвно, боится даже словомъ какъ-то разсѣять красоту сочетанія природы и человѣка.

Вечеромъ онъ проводилъ ее домой въ Замоскворѣчье, до калитки ихъ сада. Она протянула ему руку на прощанье. Онъ нагнулся, хотѣлъ поцѣловать ея тонкіе пальчики, но она отдернула руку. На ладони у него остался какой-то небольшой предметъ.

«Что это?»

«Самое дорогое, что я могу вамъ дать на прощаніе. Надѣньте, да хранитъ васъ Господь!» Она стояла передъ нимъ, скромно опустивъ глаза.

Въ рукахъ его лежалъ кипарисовый натѣльный крестикъ на ниточномъ шнуркѣ. Маленькій кусочекъ въ верхней части былъ отломанъ. Георгій прижалъ его къ губамъ, перекинулъ шнурокъ черезъ голову. Крестикъ скользнулъ подъ воротникъ его офицерской гимнастерки.

«А какъ же вы? Вѣдь этимъ крестикомъ навѣрное благословили васъ?»

«Это бабушкинъ отъ Сергія Троицы. На немъ много молитвъ и бабушкиныхъ и маминыхъ и моихъ. Ты отдашь мнѣ его, когда вернешься съ войны!»

Съ этими словами она скрылась въ темномъ саду.

Входная дверь въ избу отворилась. Въ комнату вошелъ молодой капитанъ, пристально посмотрѣлъ на Георгія, теперь стоявшаго у окна съ прижатой къ груди рукой. Замѣтивъ вошедшаго офицера онъ инстинктивно опустилъ руку.. Крестикъ открыто повисъ на груди. На лицѣ офицера отразилось удивленіе. Онъ нахмурилъ брови и твердыми шагами вошелъ въ сосѣднюю комнату.

«Очень кстати» — обратился къ вешедшему командиръ отряда. «Вотъ, гдѣ оправдывается поговорка: «Лучше поздно, чѣмъ никогда!» «Капитанъ Ивановъ, вамъ предстоитъ рѣшить участь сидящаго въ сосѣдней комнатѣ. Вы видѣли его?»

«Видѣлъ. И сегодня не въ первый разъ. Это мой противникъ въ бою за деревушку Доложку. Думаю, что такіе вопросы подлежатъ не нашему рѣшенію».

«Такъ вы за то, чтобы отправить его въ тылъ?»

«Такъ точно, г-нъ полковникъ».

«Будь по вашему!» Полковникъ облегченно вздохнулъ.

Георгій Вагаповъ.

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

Житіе св. Θеодора епископа Эдесскаго.

9 іюля.

Въ городѣ Эдессѣ жили благочестивые супруги Симеонъ и Марія. Они, не жалѣя богатства, щедрою рукою одаряли бѣдныхъ. У нихъ была дочь. Они обходили храмы Божіи, прося Господа даровать имъ сына.

Однажды на первой недѣли Великаго поста, въ день памяти св. Θеодора Тирона, пришли Симеонъ и Марія на утреню, принеся съ собою ладанъ, свѣчи, масло. Въ храмѣ супруги на мгновеніе задремали. И было имъ одно и то же видѣніе. Предсталъ св. апостолъ Павелъ со святымъ великомученикомъ Θеодоромъ Тирономъ. Святой воинъ, указывая пальцемъ на благочестивыхъ супруговъ, промолвилъ: «О, ученикъ Господень, исполни ихъ просьбу, вымоли имъ сына за ихъ усердное служеніе церкви, за всѣ ихъ приношенія для храмовъ Божіихъ». Апостолъ подалъ Симеону и Маріи младенца мужского пола, говоря: «Вотъ вамъ и сынъ». Великомученикъ прибавилъ: «Пусть имя его будетъ — Θеодоръ (Божій даръ). Воистину будетъ Божіимъ даромъ этотъ ребенокъ». Кончилась утреня. Супруги разсказали другъ другу видѣніе. Въ радости вернулись они домой. Господь даровалъ имъ сына, и они нарекли его Θеодоромъ.

Дитя расло. Наступило время учить его. Не давалось ему ученіе, память была слабая. Учитель и родители сердились на него, думая что по лѣности онъ не учитъ уроковъ. И школьники упрекали

его. Тяжело приходилось Ѳеодору. Одна надежда — на Бога, на Его помощь. Онъ горячо молился.

Однажды въ воскресенье, исполненный Божественнаго вдохновенія, передъ литургіей, вошелъ онъ въ церковь, проникъ незамѣтно въ алтарь и спрятался подъ престоломъ. Пришелъ архіерей. Началась служба. Отрокъ слушалъ внимательно. Потомъ онъ задремалъ. И было ему чудное видѣніе. Является отрокъ-сверстникъ, сіяющій словно солнце, онъ кормитъ его сладчайшимъ благоуханнѣйшимъ медомъ, даетъ въ руки пастырскій жезлъ и благословляетъ его. Ѳеодоръ просыпается и выходитъ изъ-подъ престола. Архіерей и духовенство, съ удивленіемъ смотрятъ на отрока. Спрашиваютъ, зачѣмъ онъ тамъ скрылся. Онъ имъ все разсказалъ о себѣ и о дивномъ видѣніи. Съ трепетомъ слушалъ архіерей, понялъ, что отрокъ исполненъ Божіей благодати. Онъ включилъ его въ число своихъ клириковъ и сдѣлалъ его чтецомъ. Съ момента дивнаго видѣнія, сталъ отрокъ необыкновенно способенъ, въ ученіи онъ опережалъ не только сверстниковъ, но и взрослыхъ.

Когда ему исполнилось 8 лѣтъ, отошелъ ко Господу его отецъ, а черезъ годъ скончалась и мать. Блаженный роздалъ наслѣдство нищимъ, отдѣливъ лишь часть сестрѣ замужней, которая имѣла сына Василія. Этотъ племянникъ Ѳеодора впослѣдствіи сдѣлался архіереемъ и написалъ житіе своего святого дяди.

Двадцати лѣтъ блаженный пошелъ въ Іерусалимъ поклониться Гробу Господню. Обойдя святыя мѣста, онъ остался послушникомъ въ Лаврѣ преподобнаго Саввы. Тамъ онъ, принявъ ангельскій образъ, двѣнадцать лѣтъ трудился на разныхъ послушаніяхъ. Потомъ по разрѣшенію игумена онъ ушелъ въ пустыню, гдѣ терпѣлъ голодъ и холодъ, зной и жажду. Обходя пустыню Іорданскую, онъ въ Божественной тишинѣ день и ночь возносилъ Господу пламенныя молитвы. Такъ прожилъ онъ двадцать четыре года.

Въ Эдессѣ услышалъ объ его жизни родственный ему юный, прекрасный лицомъ, Михаилъ и пришелъ къ нему въ пустыню, желая подвизаться вмѣстѣ съ нимъ. Преподобный постригъ его и онъ сдѣлался его ревностнымъ и прилежнымъ ученикомъ. Юноша выучился искусно плести корзины, блюдца, сосуды. Эти издѣлія носилъ онъ въ Іерусалимъ для продажи, а деньги, вырученныя отъ продажи св. Ѳеодоръ отсылалъ въ обитель св. Саввы за хлѣбъ, который онъ оттуда получалъ. Однажды, когда Михаилъ на базарѣ продавалъ свой товаръ, изъ Виѳлеема пріѣхалъ въ Святой городъ Персидскій царь Адремелехъ съ женою посмотрѣть на Гробъ Господень и увидѣть чудеса, происходившія въ этомъ священномъ мѣстѣ. Слуга персидскаго царя, придя на базаръ, замѣтилъ искусно сплетенныя вещи и позвалъ Михаила къ царицѣ, говоря что она непремѣнно купитъ ихъ.

Понравился царю Михаилъ, и онъ сказалъ ему: «Нареку тебя сыномъ, поставлю выше всѣхъ князей и владыкъ моихъ, если ты откажешься отъ Христа и признаешь великаго пророка Магомета». Земныя утѣхи не прельщали раба Божія, и онъ только просилъ отпустить его въ пустыню. Разъяренный царь велѣлъ поставить его на раскаленные угли босыми ногами. Мужественно терпѣлъ блаженный, воспѣвая псалмы Давидовы. Царь велѣлъ дать ему чашу, наполненную смертельной отравой. Страдалецъ прочелъ Сvмволъ вѣры, перекрестился и выпилъ страшный напитокъ. Силою Божіей, остался онъ невредимъ. Удивился царь. Онъ приказалъ привести одного изъ преступниковъ, осужденныхъ на смертную казнь, и дать отраву. Преступникъ, какъ только выпилъ чашу, вскрикнулъ и мгновенно умеръ. Тѣло его отъ сильнѣйшаго яда распалось на части. Христіане громко прославляли Бога, а сарацины, постыженные въ своей вѣрѣ, стали требовать или смерти юному монаху или уничтоженія всѣхъ христіанъ. Царь повелѣлъ вывести за городъ Христова мученика и отсѣчь мечемъ его главу. Прославляя Господа, безъ страха преклонилъ страдалецъ юную главу подъ мечъ, и Господь принялъ его чистую душу.

Господь открылъ преподобному Ѳеодору о мученической кончинѣ его ученика. Онъ поспѣшилъ въ Лавру святого Саввы, вошелъ въ церковь и сказалъ аввѣ и братьямъ: «Сегодня братъ нашъ Михаилъ пострадалъ за Господа и принялъ мученическій вѣнецъ». Игуменъ распорядился доставить тѣло мученика въ Лавру. Иноки перенесли святыя мощи тайно, чтобы сарацины надъ ними не надругались. Многіе граждане Іерусалима, не спавшіе этой ночью, видѣли необыкновенное сіяніе, движущееся по направленію къ Лаврѣ. Это дивное знаменіе происходило отъ святого мученика. Преподобный Ѳеодоръ вышелъ навстрѣчу ночному шествію. Онъ плакалъ и отъ радости и отъ горя. Тяжело ему было потерять родного, горячо любимаго ученика. Радовался же онъ за его душу чистую, веселяющуюся теперь въ Божьемъ раю. Вышелъ и игуменъ съ братіей. Иноки несли возженыя свѣчи и благоуханныя кадила и воспѣвали пѣснопѣнія. Внесли мощи въ церковь. Въ обители пребывалъ уже три года, въ полномъ разслабленіи, больной инокъ — другъ Михаила. Больной, увидѣвъ монаховъ, спѣшившихъ въ церковь на поклоненіе мощамъ мученика, сталъ ихъ умолять отнести и его туда же. Никто второпяхъ не внималъ его просьбѣ. Заплакалъ больной и сказалъ: «О, Михаилъ, братъ мой, если ты обрѣлъ благодать и дерзновеніе у Господа, вспомни обо мнѣ, другѣ твоемъ, и вымоли мнѣ силу пойти въ церковь и дать тебѣ послѣднее цѣлованіе». Не успѣлъ больной произнести послѣднихъ словъ, какъ мгновенно почувствовалъ въ себѣ небыкновенную силу. Онъ всталъ на ноги, пошелъ въ церковь и тамъ, со слезами благодаренія, сталъ цѣловать тѣло своего друга-мученика.

Преподобномученикъ Михаилъ 29 іюля совершилъ свое страданіе. Впослѣдствіи онъ являлся св. Θеодору въ ночныхъ видѣніяхъ въ сіяющей одеждѣ мученика, увѣнчанный неописуемо-прекраснымъ райскимъ вѣнцомъ, сіяя свѣтомъ неизреченнымъ. Онъ ему говорилъ: «Не скорби обо мнѣ, отецъ: я получилъ милость отъ Бога, и тебя Господь вознаградитъ за то, что ты меня такъ премудро научилъ жизни монашеской».

Вернемся къ описанію житія св. Θеодора. Господь не хотѣлъ въ пустынѣ оставлять такой великій свѣтильникъ: его рукоположили во епископы. Во время этого великаго таинства произошло дивное чудо: въ храмѣ сталъ парить бѣлый, какъ снѣгъ, голубь и опустился на голову новаго епископа. Когда онъ былъ назначенъ въ Эдессу, жители, давно слышавшіе о высокоподвижнической жизни ихъ епископа, вышли радуясь ему навстрѣчу. Святой прежде всего пошелъ приложиться къ мощамъ святыхъ мучениковъ Гурія, Самона и Авина, почивающихъ въ храмѣ города. Вскорѣ всѣ полюбили премудраго и добраго епископа. Простъ былъ въ обхожденіи святой и любилъ дружески бесѣдовать съ людьми.

Близъ города, возлѣ женскаго монастыря святого великомученика Георгія, жилъ столпникъ, по имени Θеодосій. Было ему за сто лѣтъ и имѣлъ онъ даръ пророчества. Θеодоръ подружился съ нимъ, и Θеодосій однажды повѣдалъ ему дивную повѣсть.

Въ городѣ Эдессѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ жилъ благородный, богатый, знатный человѣкъ, Адеръ. Онъ былъ необыкновенно милосерднымъ. Помогалъ онъ много и монахамъ. Часто приходилъ къ Θеодосію поучаться духовной жизни. У него была жена и трое дѣтей. Однажды онъ пришелъ скорбный. На вопросъ о причинѣ его печали онъ отвѣчалъ: «Печалитъ меня богатство, счастье мое. Хочу раздать все, покинуть жену и дѣтей, ради любви къ Спасителю, взять крестъ и идти за Нимъ». «Смотри, оставивъ все земное, не пожалѣй о томъ послѣ» — сказалъ ему Θеодосій. Онъ благословилъ его, далъ на дорогу одинъ хлѣбъ и отпустилъ съ миромъ.

Адеръ сдѣлался инокомъ въ Лаврѣ св. Саввы. Угодивъ Господу, онъ скоро перешелъ въ Его царство. Неутѣшно плакала жена его, узнавъ о кончинѣ Адера. Точно къ живому обращалась она къ нему съ такими словами: «О, господинъ мой, ты желая спасти свою душу, оставилъ меня, бѣдную, одну съ дѣтьми, Господь все видитъ, пусть Онъ разсудитъ насъ».

Ночью къ горестной вдовѣ является Адеръ. Лицо его сіяетъ, свѣтъ исходитъ отъ бѣлыхъ одеждъ. Говоритъ онъ ей слова утѣшенія: «Не плачь обо мнѣ, дѣтей я возьму на себя, а ты спасай душу свою». Явился Адеръ и Θеодосію ночью и сказалъ: «Въ

Георгіевскомъ монастырѣ скоро умретъ одна постница, ты пошли въ ея келлію мою жену, пусть она приметъ чинъ иноческій и подвизается въ безмолвіи. Съ ней пусть живетъ и мой младшій сынъ. Когда онъ вырастетъ, онъ сдѣлается Іерусалимскимъ Патріархомъ».

Слова Адера исполнились въ точности. Черезъ три дня скончалась въ Георгіевскомъ монастырѣ старая инокиня. Умерли и старшіе дѣти Адера. У матери на рукахъ остался только младшій сынъ, да и то тяжело больной. Земными словами нельзя описать горе матери, лишившейся почти одновременно любимаго мужа, дѣтей, видѣвшей, какъ на глазахъ умираетъ ея послѣдній ребенокъ. Не помня себя отъ горя, взяла она на руки умирающаго сына и побѣжала къ Ѳеодосію. На полпути, она увидѣла, что ребенокъ скончался. По Божіей волѣ по дорогѣ встрѣчаетъ она женщину — великую грѣшницу. Не отдавая себѣ отчета, кто передъ нею — праведный или грѣшный человѣкъ, — насчастная мать кладетъ ей на руки мертвое дитя, бросается къ ногамъ ее и умоляетъ, вопіетъ къ ней, чтобы женщина помолилась объ ея ребенкѣ. Напрасно грѣшница говоритъ ей, что она не только молиться, но не смѣетъ даже и на небо взглянуть. Мать обнимаетъ ноги грѣшницы, умоляетъ помолиться, чтобы Всесильный Господь вдохнулъ снова жизнь въ мертвое тѣло ея ребенка. Грѣшница, проникнутая жалостью къ матери, обращается лицомъ къ востоку. «Я недостойна, о Господи, взглянуть на небо» — восклицаетъ она, ударяя себя въ грудь, «я недостойна видѣть высоту небесную отъ множества грѣховъ моихъ, я не смѣю моими нечистыми устами произнести Твое Пречистое Имя, но я обращаюсь къ Тебѣ, какъ евангельская грѣшница нѣкогда къ Тебѣ обращалась, плача у ногъ Твоихъ. Я взываю къ Тебѣ, къ Твоему человѣколюбію, я не смѣю просить у Тебя отпустить великіе грѣхи мои, я только умоляю о чистомъ младенцѣ, по просьбѣ его цѣломудренной матери. О, Ты, Податель жизни, верни къ жизни мертваго младенца. Если я, грѣшная, немилосердная, исполнена жалости къ нему, то какъ же Ты долженъ жалѣть созданіе Твое». Услышалъ Милосердный Господь смиренную, сокрушенную молитву великой грѣшницы. Воскресло мертвое дитя. Всевѣдущій Господь предвидѣлъ и будущее, пламенное покаяніе грѣшницы, будущую ея святую жизнь. А кто можетъ описать радость матери, на глазахъ которой воскресъ ея младенецъ, послѣднее утѣшеніе ея горькой жизни. Хвалебная пѣснь Воскресителю понеслась къ Престолу Божьему изъ устъ ликующей матери. А грѣшница ни слова не могла промолвить отъ священнаго ужаса. Проливая слезы покаянія, поверглась она ницъ на землю. Ѳеодосій съ вышины своего столпа видѣлъ свѣтъ, озарившій съ небесъ и молящуюся грѣшницу, и счастливую мать, и воскресшаго ребенка. Когда женщины пришли къ нему, онъ направилъ ихъ въ женскій монастырь св. Георгія.

Обѣ женщины угодили Господу во иноческомъ чинѣ, а воскресшій ребенокъ впослѣдствіи, какъ и предсказалъ ему отецъ, сдѣлался Іерусалимскимъ Патріархомъ.

Со слезами умиленія слушалъ св. епископъ разсказъ подвижника. Потомъ разсказалъ и о своей жизни святой столпникъ:

«Еще въ юности, я со старшимъ братомъ моимъ Іоанномъ ушелъ въ монастырь, а оттуда въ пустыню. Въ нашей трудной жизни утѣшалъ насъ Ангелъ, который часто являлся намъ видимымъ образомъ и бесѣдовалъ съ нами.

«Однажды мы ходили, поодаль другъ друга, по пустынѣ, собирая зеліе, служившее намъ пищею. Вдругъ я замѣтилъ, что братъ внезапно остановился, словно удивляясь чему-то. Потомъ перекрестился и, высоко перескочивъ черезъ что-то, побѣжалъ и скрылся въ своей пещерѣ. Надо сказать, что жили мы въ отдѣльныхъ пещерахъ. Я устремился къ тому мѣсту и увидѣлъ гору золота. Я помолился, и собралъ золото въ мантію. Едва донесъ я его до моей пещеры. Ничего не сказавъ брату, я понесъ золото въ городъ. Тамъ я купилъ домъ, устроилъ обитель, страннопріимницу, больницу. Найдя почтеннаго человѣка, я поставилъ его игуменомъ новаго монастыря, далъ ему тысячу золотыхъ, тысячу раздалъ нищимъ. — Не оставивъ себѣ ни одной монеты я, очень довольный собой, вернулся въ пустыню. Я все думалъ, что я лучше поступилъ, чѣмъ братъ, который ничего полезнаго не сдѣлалъ, перепрыгнувъ черезъ золото. Когда я такъ горделиво размышлялъ, явился мнѣ Ангелъ Божій. Очи его смотрѣли грозно. Исполненный праведнаго гнѣва, — сталъ онъ обличать меня, открывая мнѣ, какъ низокъ, теменъ былъ я въ то время предъ Господомъ въ моей гордости, ибо только смиренныхъ любитъ Господь. Братъ мой Іоаннъ перескочивъ черезъ золото, — угодилъ однимъ этимъ прыжкомъ Богу, а я сдѣлавъ добрыя дѣла и впавъ въ гордость — низко палъ и прогнѣвалъ Создателя своего. «За твою гордость ты больше никогда не увидишь старшаго брата, какъ и меня не увидишь». Такими словами кончилъ рѣчь грозный Ангелъ и сталъ невидимъ.

«Я, грѣшный, остался одинъ. Пошелъ въ пещеру брата. Она была пуста. Братъ мой, любимый братъ мой куда-то скрылся. Я сталъ неутѣшно, горько плакать, пока не изнемогъ отъ слезъ. Семь дней горючими слезами поливалъ я сухую землю пустыни и, наконецъ, черезъ семь дней издалека услышалъ я голосъ моего Ангела. «Иди въ городъ Эдессу, тамъ подвизайся на столпѣ, близъ Георгіевскаго монастыря, умилостиви Господа глубокимъ покаяніемъ».

«И я, грѣшный, пришелъ сюда и 49 лѣтъ стоялъ на столпѣ, проливая слезы о великомъ грѣхѣ моемъ. Однажды свѣтъ озарилъ мое скорбное сердце. Въ это радостное, незабвенное для меня вос-

кресенье, снова какъ и во дни моей чистой, смиренной юности, является мой Ангелъ. Господь меня простилъ! Онъ меня не только простилъ, но для спасенія души другихъ людей даетъ мнѣ даръ прозорливости. Ангелъ обрадовалъ меня вѣстью, что братъ Іоаннъ живъ, всегда молится обо мнѣ — я увижу его въ безсмертной жизни».

Съ момента посѣщенія Ангела, святой столпникъ издалека распознавалъ грѣшныхъ и праведныхъ людей. Онъ видѣлъ души праведныхъ людей: онѣ свѣтились, съ ними были Ангелы. Грѣшники же были темны, и за ними неотступно ходили бѣсы . . .

Будемъ же продолжать описаніе житія блаженнаго Ѳеодора. Пришлось мудрому и доброму епископу много побороться съ еретиками. Злые люди задумали убить блаженнаго. Они хотѣли ворваться въ церковь и убить святого. Но Господь защитилъ праведника. Изъ церкви вырвался навстрѣчу еретикамъ огонь небесный, и они со страхомъ убѣжали. Руки ихъ, державшія оружіе, оцѣпенѣли, Еретики тогда подговорили градоправителей-персовъ отнять отъ церкви православной всѣ имѣнія съ виноградниками, садами. Святой рѣшилъ ѣхать для защиты церкви православной въ городъ Вавилонъ, къ царю Персидскому Мавіи, который царствовалъ послѣ Адремелеха. Пошелъ онъ къ столпнику Ѳеодосію, прося у него совѣта. Столпникъ утѣшилъ его, сказавъ, что путь его Господь благословляетъ. Будетъ ему большая удача. Онъ не только церковь свою защититъ, но самого царя Персидскаго обратитъ къ вѣрѣ православной. Онъ предложилъ ему поискать и брата его, Іоанна, подвизавшагося въ пустынѣ возлѣ Вавилона, и самъ написалъ возлюбленному брату посланіе.

Съ легкимъ сердцемъ направился святой Ѳеодоръ въ дальній путь. Достигнувъ Вавилона, онъ побывалъ у тамошняго митрополита и разсказалъ ему о бѣдствіяхъ Эдесской церкви. Въ это время у митрополита какъ разъ были два придворныхъ: старшина писцовъ и главный врачъ — оба христіане. Они отъ всей души пожалѣли епископа. Митрополитъ попросилъ ихъ замолвить слово предъ царемъ о святомъ Ѳеодорѣ. Придворные сказали: «Теперь не время ходатайствовать, царь очень боленъ опасною глазною болѣзнью и готовъ вотъ-вотъ ослѣпнуть. Страждетъ онъ люто и отъ болѣзни печени. Врачи опасаются за его жизнь. Мы не можемъ безпокоить царя, находящагося при смерти». «А можетъ быть, сказалъ святой, ради моего смиренія исцѣлитъ царя Господь». — «Если ты хорошо знаешь врачебное искусство, или отъ Бога дана тебѣ цѣлебная благодать, то мы скажемъ о тебѣ царю», — согласились придворные. На утро, главный врачъ, придя къ царю для леченія, повѣдалъ ему о прибывшемъ епископѣ и упомянулъ что онъ знатокъ врачебнаго дѣла».

Царь повелѣлъ призвать блаженнаго. Святой по дорогѣ къ

царю горячо молился Богу — Цѣлителю недугующихъ. Святой вошелъ къ царю. Мавія едва слышно проговорилъ: «О, епископъ, помоги мнѣ, люто страждущему. Помоги смертельно больному!» Святой, возложивъ надежду на Бога, велѣлъ принести сосудъ съ чистой водой, растворилъ въ этой водѣ принесенную съ гроба Господня землю и велѣлъ немного отпить болящему. Этимъ же святымъ растворомъ онъ помазалъ ему голову, лобъ глаза, грудь, плечи и попросилъ присутствующихъ помолчать. Въ тишинѣ царь заснулъ и во время сна исцѣлился отъ смертельной болѣзни. Проснулся онъ здоровымъ. Недавно полуслѣпые, глаза смотрѣли свѣтло на міръ Божій. Недавно ничего не вкушавшій, ѣлъ онъ и пилъ, какъ здоровый человѣкъ. Счастливый царь устроилъ пиръ, на которомъ особенно почтилъ блаженнаго епископа Ѳеодора, съ любовью называя его: «Свѣтъ очей моихъ». Черезъ три дня царь призвалъ епископа и спросилъ его ласково: «Объясни мнѣ, «свѣтъ очей моихъ», причину твоего пріѣзда. Я готовъ сдѣлать все для тебя, что только могу».

Святитель сталъ разсказывать о бѣдствіяхъ церкви Эдесской, о гоненіяхъ со стороны еретиковъ и персидскихъ властей. Царь, взявъ подъ защиту гонимую церковь, написалъ посланіе персидскимъ властямъ, чтобы они вернули всѣ церковныя имѣнія. Приказывалъ еретикамъ присоединиться къ церкви православной, если они не хотятъ быть изгнаными изъ города. Царь не отпустилъ отъ себя епископа, которого полюбилъ всей душой. Онъ съ наслажденіемъ слушалъ его Божественныя слова. Съ каждымъ днемъ бесѣды со святителемъ глубже западали въ его душу, пробуждавшуюся для воспріятія Свѣта Христова.

Однажды блаженный епископъ попросилъ царя отпустить его въ пустыню, чтобы найти тамъ брата столпника Ѳеодосія. Царь далъ согласіе. Святой епископъ съ двумя учениками отправился на розыски пустыннослужителя Іоанна. Невидимая рука Божія привела ихъ въ глухое, безлюдное, почти непроходимое мѣсто. По Божьему указанію пустынникъ вышелъ навстрѣчу епископу изъ своей темной пещеры. Угодники Божьи радостно привѣтствовали другъ друга. Потомъ сѣли и стали наслаждаться духовной бесѣдой.

Преподобный Іоаннъ былъ очень похожъ на брата. Онъ попросилъ святителя отслужить въ пещерѣ Божественную литургію и причастить его святыхъ животворящихъ Тайнъ Господнихъ. Послѣ причастія, радостный, спросилъ онъ: «А гдѣ письмо, которое написалъ братъ мой, столпникъ?» Удивился блаженный епископъ и спросилъ: «А кто тебѣ сказалъ о письмѣ?» Отвѣчалъ прозорливый старецъ: «Только братъ мой кончилъ писать посланіе, какъ оно было мнѣ прочитано, и отвѣтъ былъ готовъ на обратной сторонѣ письма». Пустынникъ попросилъ епископа прочитать ему письмо брата и свой отвѣтъ. И прочелъ блаженный удивительный отвѣтъ

пустынника Іоанна, гдѣ онъ, не зная св. Ѳеодора, упоминаетъ о немъ, разсказываетъ о царѣ Мавіи, какъ персидскій владыка съ радостью слушаетъ проповѣдь блаженнаго епископа и какъ Божественныя слова глубоко западаютъ ему въ душу. Пробывъ день и ночь у пустынника, святой Ѳеодоръ вернулся къ царю. Съ радостью встрѣтилъ его Мавія: «Я никогда бы не хотѣлъ съ тобой разлучаться, ни въ этой жизни, ни въ будущей» — сказалъ царь. Блаженный епископъ сталъ ему читать и объяснять Святое Евангеліе. Благодать Божія озарила сердце царя. Три царскихъ отрока столь же внимательно, съ любовью слушали святыя слова. Умилялись ихъ чистыя, юныя души. Черезъ нѣсколько дней, тайно отъ своихъ придворныхъ и народа, крестился царь со своими тремя отроками. Великое таинство крещенія тайно отъ придворныхъ совершалъ блаженный епископъ и назвалъ царя Іоанномъ. Послѣ крещенія, онъ въ царской опочивальнѣ отслужилъ литургію и причастилъ царя съ тремя отроками. Блаженный епископъ посѣщалъ царя, какъ врачъ, такъ какъ Мавія опасался, что произойдетъ народное волненіе, если его подданные узнаютъ, что ихъ властелинъ принялъ ненавистную имъ вѣру Христову. Радовались новокрещенные, а съ ними ликовали и Ангелы Божьи.

Послѣ крещенія побывалъ царь Іоаннъ вмѣстѣ со святымъ епископомъ у пустынника Іоанна. Царь собрался въ пустыню, какъ будто на охоту за дикими звѣрями, со множествомъ слугъ, воиновъ. Подъ видомъ врача взялъ онъ съ собой блаженнаго епископа. Когда царь приблизился къ пещерѣ преподобнаго Іоанна, то разослалъ направо и налѣво всѣхъ слугъ на поиски дикихъ звѣрей. Остался онъ съ одной дружиною, но у входа въ пещеру и ту отослалъ подальше отъ себя. При немъ остались лишь три отрока — новые христіане — и св. Ѳеодоръ съ ученикомъ Василіемъ, который впослѣдствіи написалъ это житіе. Преподобный Іоаннъ вышелъ имъ навстрѣчу, держа въ рукѣ курящійся ѳиміамъ. Онъ радостно привѣтствовалъ гостей. Пригласивъ ихъ въ свою пещеру, онъ предсказалъ царю, что Господь вскорѣ сподобитъ его вѣнца мученическаго. Вмѣсто земного, временнаго царства, получитъ онъ вѣчное, небесное. Потомъ преподобный старецъ предложилъ скромный, пустынническій обѣдъ и напоилъ водою. Послѣ трапезы сказалъ царь: «Никогда, за все время моего царствованія, не вкушалъ я такого вкуснаго обѣда». Передъ уходомъ царь хотѣлъ дать преподобному Іоанну много золота, но старецъ отказался отъ денегъ, совѣтуя царю роздать ихъ нищимъ. Подивился царь равноангельной жизни преподобнаго старца. Испросивъ благословенія и молитвъ, онъ направился домой, соединившись снова со дружиною и слугами. Вернувшись во дворецъ, сталъ просить св. Ѳеодоръ царя, чтобы онъ отпустилъ его въ го-

родъ Эдессу къ паствѣ. Печально было царю разставаться со «свѣтомъ очей своихъ», но онъ понималъ, что Эдесская церковь не можетъ оставаться безъ епископа. Царь заплакалъ и сказалъ: «Недолго я проживу послѣ твоего отъѣзда. Не могу больше скрывать отъ народа моего, что я христіанинъ. Когда ты услышишь о моей смерти, помолись объ упокоеніи моей души». Іоаннъ далъ епископу много золота и серебра для церкви Эдесской и для раздачи нищимъ. Царь и святой разлучились со многими слезами. Святитель оставилъ въ Вавилонѣ одного изъ своихъ слугъ, чтобы знать все, что произойдетъ дальше. По отшествіи святаго епископа, благовѣрный царь Іоаннъ, горя любовью ко Господу, рѣшилъ открыто исповѣдывать вѣру Хистову. Онъ призвалъ князей, воеводъ, градоправителей и сказалъ имъ: «Мнѣ Богъ открылъ, что я скоро умру — потому я повелѣваю вамъ завтра утромъ собраться съ народомъ на полѣ. Хочу передать вамъ свое завѣщаніе». Позванные отошли отъ царя въ большой печали. Глашатаи стали объявлять по громадному городу Вавилону царскій приказъ. Всю ночь до зари молился благовѣрный царь. Какъ только стало разсвѣтать, онъ призвалъ митрополита и, открывъ ему свое намѣреніе, попросилъ отслужить литургію. Царь причастился Таинъ Христовыхъ. Щедро одаривъ митрополита, царь облачился въ свѣтлое, прекрасное царское одѣяніе, сѣлъ на коня и торжественно выѣхалъ въ поле.

Безчисленное множество народа ожидало своего властелина. Собрались персы, евреи, арабы, христіане, всѣ начальники, всѣ князья. На возвышеніи былъ поставленъ царскій престолъ. Въ народѣ слышались голоса: «Зачѣмъ насъ созвалъ нашъ властелинъ, о чемъ онъ будетъ говорить?» Царь возсѣлъ на престолѣ своемъ. Замолкла толпа народная. Послышался мощный, величественный голосъ царя Іоанна. «Слышите персы всѣ, агаряне, евреи, избранные люди христіанскіе: Я — христіанинъ, имя мое — Іоаннъ. Вѣрую во Отца и Сына и Святаго Духа. Вѣрую въ Пресвятую Троицу. Нѣтъ во всей поднебесной иной и правой вѣры — едина есть вѣра Христова. А такъ какъ мой Господь Іисусъ Христосъ сказалъ въ Евангеліи: «Всякій, кто исповѣдуетъ Меня предъ людьми, того и Я исповѣдую предъ Отцемъ Моимъ, Который на небесахъ — потому и я исповѣдую Его предъ небомъ и землею, предъ Ангелами и людьми». Кончивъ рѣчъ свою, царь вынулъ скрытый въ одеждѣ золотой крестъ, сверкавшій въ лучахъ утренняго солнца драгоцѣнными камнями. Высоко, обѣими руками, воздвигъ онъ его. Глаза всѣхъ людей созерцали дивное, величественое зрѣлище — своего властелина въ одеждѣ свѣтлой, съ лицомъ, сіяющимъ неземною радостію, со взоромъ устремленнымъ въ небо, словно созерцающимъ нѣкую пресвѣтлую, непостижимую тайну, скрытую отъ смертныхъ.

Люди замерли. Ничто не нарушало тишины. Благовѣрный царь осѣнилъ себя крестомъ, смотря на востокъ, поцѣловалъ крестъ. Снова въ тишинѣ зазвучалъ его могучій голосъ: «Кресту Твоему поклоняюся, Христе. Я позналъ Тебя, Моего Спасителя, я прославляю Тебя со Безначальнымъ Твоимъ Отцемъ и съ Животворящимъ Твоимъ Духомъ во вѣки. Аминь».

Остолбенѣлъ народъ.

Князья и воеводы, окружавшіе своего властелина, внезапно исполнились ярости. Нарушая торжественную тишину, они завопили: «Да будетъ убитъ поругатель нашей вѣры». Они устремились на царя съ мечами и копьями и пронзили Христова мученика. Вмѣстѣ съ царемъ убиты были и его три отрока, которые громко объявили себя христіананми.

Такъ кончилъ жизнь свою мученическою смертью благовѣрный царь Іоаннъ съ тремя отроками въ Вавилонѣ третьяго мая. Остальные христіане, убоявшись гнѣва невѣрныхъ, бѣжали съ поля. Лежало на полѣ тѣло царя безъ погребенія. Въ ночь святой стастотерпецъ является старшинамъ и князьямъ своимъ и грозно приказываетъ: «Скорѣе отдайте тѣло мое христіанскому митрополиту для погребенія, если же не исполните воли моей, я всѣхъ васъ погублю». Устрашились сновидѣніемъ князья и старѣйшины. Особенно, поразились они, когда узнали, что всѣмъ имъ приснился одинаковый сонъ. Приказали они митрополиту взять тѣло царя. Митрополитъ поспѣшилъ на поле, взялъ мощи царя и его трехъ отроковъ, перенесъ ихъ въ церковь, гдѣ и были похоронены новые мученики Христовы. Отъ мощей ихъ происходили многія чудеса. Видя явленія силы Божіей, многіе невѣрные становились христіанами.

Въ ночь послѣ убійства, царь въ великой славѣ явился «свѣту очей своихъ», епископу Ѳеодору. Благовѣрный царь былъ облаченъ въ бѣлую одежду мученика, сіяющую свѣтомъ неизреченнымъ. Голова его была увѣнчена блистающимъ вѣнцомъ, красоты неизреченной. И сказалъ царь-мученикъ: «О, честный отче, видишь какъ прославилъ меня Христосъ, присоединивъ къ лику мучениковъ. Вчера я исповѣдалъ Его пречистое имя предъ всѣмъ народомъ, вчера я былъ убитъ персами и сарацинами, душа моя вылетѣла изъ тѣла, какъ изъ темной, душной темницы. Я получилъ блаженство, о которомъ ты мнѣ говорилъ. Благодаря тебѣ, я получилъ спасеніе. Теперь я молю Владыку, чтобы и ты поскорѣе пришелъ ко мнѣ, чтобы вмѣстѣ со мною наслаждаться жизнью блаженной въ благодати Пресвятой Троицы». Проснулся св. Ѳеодоръ и поспѣшилъ къ преподобному столпнику Ѳеодосію, чтобы повѣдать ему о ночномъ видѣніи. А святому столпнику Господь уже открылъ о мученической кончинѣ царя Вавилонскаго. Черезъ нѣсколько дней изъ Вавилона пріѣхалъ слуга блаженнаго

епископа и подробно разсказалъ, какъ кончилъ свою жизнь земную царь-мученикъ. Радовался святой Θеодоръ, благодарилъ Господа. Черезъ короткое время столпникъ Θеодосій удостоился отъ Господа видѣть душу брата своего Іоанна, возносимую ангельскими руками на небо, а вскорѣ и самъ столпникъ, немного поболѣвъ, отошелъ ко Господу. Тѣло его святитель похоронилъ въ монастырѣ святого великомученика Григорія. Черезъ три года послѣ мученической кончины царя Іоанна, святой страстотерпецъ снова явился блаженному епископу въ той же славѣ небесной и сказалъ ему: «Иди, любезный отецъ, тебя зоветъ Христосъ, Онъ желаетъ, чтобы мы вмѣстѣ жили въ Его царствѣ и наслаждались свѣтомъ лица Его».

Послѣ этого видѣнія, понялъ блаженный епископъ, что настаетъ часъ его отшествія. Устроивъ церковныя дѣла, онъ потомъ въ Іерусалимъ поклониться Гробу Господню. Онъ зашелъ въ лавру св. Саввы, въ которой подвизался въ юности, и поселился въ своей прежней иноческой келліи. Проживъ въ ней всего три недѣли, онъ отошелъ въ обители нерукотвореныя. 9-го іюля предалъ онъ свою святую душу въ руки Божіи.

Святѣйшій Патріархъ Іерусалимскій пришелъ въ лавру со многими епископами. Торжественно погребли многотрудное тѣло блаженнаго святителя, прославляя Отца и Сына и Святаго Духа, Единаго въ Троицѣ Бога, Ему же и отъ насъ грѣшныхъ да будетъ честь, слава, поклоненіе и благодареніе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

М. В.

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ

О Таинствѣ Покаянія.

(Вступительный докладъ на Пастырскомъ Совѣщаніи 1958 г.)

Согласно опредѣленію нашего Катихизиса, "*Покаяніе есть Таинство, въ которомъ исповѣдующій грѣхи свои, при видимомъ изъявленіи прощенія отъ священника, невидимо разрѣшается отъ грѣховъ Самимъ Іисусомъ Христомъ*".

Это Таинство ведетъ свое начало отъ временъ, еще предшествовавшихъ выходу Господа Іисуса Христа на общественное служеніе человѣческому роду. Приходившіе къ Іоанну Крестителю, который "проповѣдывалъ крещеніе покаянія въ отпущеніе грѣховъ, исповѣдывали грѣхи своя» (Марк. 1, 4-5). Окончательно же это христіанское Таинство установлено было Господомъ Іисусомъ Христомъ. Еще во время Своей земной жизни, до Своихъ крестныхъ страданій, Онъ обѣщалъ Своимъ Апостоламъ даровать власть отпущенія грѣховъ: "Елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси; и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ" (Матѳ. 18, 18). По Своемъ же воскресеніи Господь Іисусъ Христосъ дѣйствительно даровалъ Апостоламъ эту власть, когда, явившись имъ, Онъ дунулъ и сказалъ: "Пріимите Духъ Святъ: имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и имже держите, держатся" (Іоан. 20, 22-23).

Для чего нужно это Таинство, если увѣровавшій во Христа и крещеный "во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа", какъ мы знаемъ изъ того же Катихизиса, "умираетъ для жизни плотской, грѣховной, и возраждается отъ Духа Святаго въ жизнь духовную, святую"?

Таинство покаянія нужно потому, что, несмотря на благодатное духовное возрожденіе грѣшника въ Таинствѣ крещенія, возрожденный все же не перестаетъ быть сыномъ согрѣшившаго Адама, наслѣдникомъ поврежденной грѣхомъ природы послѣдняго. Грѣхъ не перестаетъ воздѣйствовать и на возрожденную силою благодати Божіей природу, но только не имѣетъ прежней власти свободно и самовольно порабощать себѣ крещенаго. Хорошо говоритъ объ этомъ святитель Ѳеофанъ Затворникъ въ своей замѣчательной книгѣ: "Путь ко спасенію", останавливая наше вниманіе на знаменательныхъ словахъ Апостола, говорящаго въ посланіи къ Римлянамъ о значеніи Таинства крещенія: "*яко кто му не работати намъ грѣху . . . грѣхъ вами да не обладаетъ*" (Римл. 6, 14). Это даетъ намъ разумѣть, что то, что въ разстроенной падшей природѣ составляетъ

силу, влекущую ко грѣху, не истребляется въ конецъ въ крещеніи, а только поставляется въ такое состояніе, въ коемъ не имѣетъ надъ нами власти, не обладаетъ нами, и мы не работаемъ ему. Оно въ насъ же находится, живетъ и дѣйствуетъ, только не какъ господинъ. Главенство съ сихъ поръ принадлежитъ уже благодати Божіей и духу, сознательно себя ей предающему. Св. Діадохъ, объясняя силу крещенія, говоритъ, что до крещенія грѣхъ живетъ въ сердцѣ, а благодать извнѣ дѣйствуетъ; послѣ же сего, благодать вселяется въ сердце, а грѣхъ влечетъ извнѣ. Онъ изгоняется изъ сердца, какъ врагъ изъ укрѣпленія, и поселяется внѣ, въ частяхъ тѣла, откуда и дѣйствуетъ раздробленно набѣгами. Почему и есть непрестанный искуситель, соблазнитель, но уже не властелинъ: безпокоитъ и тревожитъ, но не повелѣваетъ (Добротолюбіе часть 4, 79 и далѣе).

Для исцѣленія тѣхъ, которые, поддавшись искушеніямъ и соблазнамъ грѣха, не устояли, несмотря на вспомоществующую имъ благодать Божію, и вновь пали, послѣ крещенія, и установлено Таинство покаянія. Поэтому оно и называется въ Требникѣ *"вторымъ крещеніемъ"*.

Отъ кающагося, дабы онъ могъ получить разрѣшеніе во грѣхахъ своихъ, содѣянныхъ послѣ крещенія, требуется: 1) Сокрушеніе о грѣхахъ, 2) Намѣреніе исправить свою жизнь, 3) Вѣра во Христа и 4) Надежда на Его милосердіе.

О необходимости сердечнаго сокрушенія такъ говоритъ Слово Божіе: *"Печаль бо, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ"* (2 Коринѳ. 7, 10).

О намѣреніи исправить свою жизнь: *"И егда грѣшникъ возвратится отъ беззаконія своего, и сотворитъ судъ и правду, той живъ будетъ въ нихъ"* (Іезек. 33, 19).

О вѣрѣ во Христа и надеждѣ на Его милосердіе: *"О Семъ,* — то-есть о Христѣ Іисусѣ, *вси пророцы свидѣтельствуютъ, оставленіе грѣховъ пріяти именемъ Его всякому вѣрующему въ Онъ"* (Дѣян. 10. 43).

Искреннее покаяніе, безъ всякаго лукавства и самооправданія, имѣетъ столь великую силу, что грѣшнику прощаются всѣ грѣхи его, сколь бы велики и тяжки они ни были. По ученію слова Божія, только "хула на Духа Святаго" (Матѳ. 12, 31) не прощается, но это потому, что сущность этого грѣха состоитъ въ такомъ сердечномъ ожесточеніи, когда грѣшникъ становится совсѣмъ неспособнымъ къ покаянію. Вотъ этого то сердечнаго ожесточенія и слѣдуетъ болѣе всего бояться, а къ нему часто приводитъ постоянное паденіе въ одни и тѣ же грѣхи послѣ каждой исповѣди и коснѣніе въ нихъ, доводящее до полнаго нерадѣнія о спасеніи своей души — такъ наз. "окамененнаго нечувствія», когда человѣкъ и слышать не хочетъ объ оставленіи своего грѣха и исправленіи жизни.

Къ видимой сторонѣ Таинства покаянія относится:

1) Устное исповѣданіе своихъ грѣховъ, которое произноситъ кающійся передъ своимъ духовникомъ — Епископомъ или пресвитеромъ, и

2) Словесное разрѣшеніе отъ грѣховъ, произносимое духовникомъ по окончаніи исповѣди.

Устное исповѣданіе грѣховъ всегда признавалось Церковью, какъ необходимѣйшая составная часть Таинства покаянія, какъ условіе ихъ прощенія. Служитель Церкви получилъ власть отпускать грѣхи не безусловно, а подъ условіемъ раскаянія въ нихъ со стороны грѣшника, и слѣдовательно онъ долженъ слышать отъ самого кающагося, въ чемъ онъ признаетъ себя грѣшнымъ, и убѣдиться, дѣйствительно ли онъ раскаивается въ своихъ грѣхахъ, съ намѣреніемъ исправить свою жизнь, съ вѣрою во Христа и съ надеждою на Его милосердіе.

Съ другой стороны, Таинство покаянія есть не только *духовный судъ*, въ которомъ духовникъ выступаетъ въ качествѣ судіи, поставленнаго Богемъ, но прежде всего и главнымъ образомъ духовное врачеваніе. "Здѣсь врачебница, а не судилище", говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ. Но какъ служитель Церкви можетъ быть духовнымъ врачомъ кающагося, если онъ не знаетъ его болѣзни? если онъ не знаетъ, отъ чего его врачевать, чѣмъ ему помочь?

Больной тѣломъ самъ разсказываетъ врачу о симптомахъ своей болѣзни, и лишь при этомъ условіи врачъ можетъ поставить правильный діагнозъ и назначить курсъ лѣченія. Точно такъ же и грѣшникъ, искренне желающій исцѣленія отъ своихъ грѣховъ, долженъ раскрыть ихъ передъ своимъ духовнымъ врачомъ, открыть передъ нимъ свою душу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, устное исповѣданіе грѣховъ является естественной потребностью души и для самихъ кающихся, которые всегда чувствуютъ облегченіе послѣ искренней исповѣди. Искренно исповѣдующій свои грѣхи тѣмъ самымъ производитъ судъ надъ собой и показываетъ, что эти грѣхи стали ему чѣмъ-то чуждымъ настолько, что онъ охотно извергаетъ ихъ изъ себя и не стыдится говорить о нихъ, какъ о чемъ-то, ему уже не принадлежащемъ, ибо онъ преодолѣлъ уже, поборолъ въ себѣ сочувствіе къ нимъ и не желаетъ болѣе возвращаться къ нимъ. Наоборотъ: трудно признаться бываетъ въ такихъ грѣхахъ, сочувствіе къ которымъ еще живетъ въ нашемъ сердцѣ и которые полностью еще не оставлены, не извергнуты изъ души, еще сохраняютъ свою власть надъ нами. Поэтому первое и главное условіе искренней исповѣди — это твердая рѣшимость не возвращаться болѣе къ своимъ прежнимъ грѣхамъ. Второе условіе указывается намъ евангельскимъ повѣствованіемъ о покаяніи начальника мытарей Закхея (см. Евангеліе отъ Луки гл. 19, ст. 1-10). Это — рѣшимость загладить свои прежніе грѣхи противоположными имъ добрыми дѣлами. Въ этомъ на помощь кающемуся приходитъ духовникъ, налагающій на него епитимію. Епитимія это не столько наказаніе, сколько духовное упражненіе, помогающее грѣшнику окончательно разсчитаться со своими прежними грѣхами и укрѣпиться въ добродѣтели. Поэтому духовникъ не долженъ подходить къ наложенію епитиміи чисто формально, а долженъ быть разсудительнымъ: епитимія назначается на созиданіе, а не на разореніе —

цѣль епитиміи исцѣлить больную душу и укрѣпить ее въ добродѣтели, а не ввергнуть ее въ отчаяніе, лишивъ тѣмъ самымъ надежды спасенія.

По окончаніи исповѣди и наложеніи епитиміи духовникомъ произносится словесное разрѣшеніе отъ грѣховъ по установленной Церковью и находящейся въ Требникѣ формулѣ: *"Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ благодатію и щедротами Своего человѣколюбія, да проститъ ти чадо,* имярекъ, *вся согрѣшенія твоя: и азъ недостойный іерей, властію Его мнѣ данною, прощаю и разрѣшаю тя отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ, во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь*».

Нѣкоторые признаютъ болѣе древней разрѣшительной формулой помѣщенную передъ этимъ молитву: "Господи Боже спасенія рабовъ Твоихъ, милостиве и щедре и долготерпѣливе . . .".

Но во всякомъ случаѣ разрѣшающей грѣшника признается въ нынѣшнее время вышеупомянутая формула. Однако, и находящуюся передъ ней опускать не слѣдуетъ, какъ это нынѣ нѣкоторые дѣлаютъ "для сокращенія".

Это разрѣшеніе отъ грѣховъ не есть какой-то чисто-механическій и автоматически-дѣйствующій актъ. Разрѣшеніе во грѣхахъ подается лишь тогда, когда исповѣдь бываетъ искренней и полной, безъ лукавства и злонамѣренной утайки грѣховъ. Иначе можетъ быть такъ, какъ говоритъ святитель Ѳеофанъ: "Священникъ говоритъ: "прощаю и разрѣшаю", а Господь въ это время говоритъ: "А Я не прощаю и не разрѣшаю".

Вотъ почему передъ исповѣдью въ нашемъ Требникѣ положено особое "увѣщаніе" грѣшнику, располагающее его къ искренней и полной исповѣди.

Въ настоящемъ своемъ видѣ Таинство исповѣди сохранилось нынѣ изъ всѣхъ православныхъ помѣстныхъ церквей почти только въ одной нашей Русской Церкви, гдѣ къ Таинству Причащенія не допускается никто изъ мірянъ, кто прежде не исповѣдывался и не получилъ разрѣшенія своихъ грѣховъ. Но и у насъ оно часто принимаетъ характеръ формальнаго акта, черезъ который надо пройти, чтобы быть допущеннымъ къ св. Причастію. Сравнительно рѣдко въ наше время кто по-настоящему исповѣдуется. Рѣдки и духовники, умѣющіе по-настоящему исповѣдывать. По большей части, исповѣдующійся, придя на исповѣдь, молчитъ и ждетъ вопросовъ отъ духовника, на которые машинально отвѣчаетъ: "Грѣшенъ, батюшка», и тѣмъ дѣло ограничивается. Читается разрѣшительная молитва, и исповѣдь окончена. Ни искренняго сердечнаго сокрушенія о грѣхахъ, ни намѣренія исправить свою жизнь, ни вѣры во Христа и надежды на Его милосердіе — этихъ главныхъ требованій настоящей исповѣди, нельзя даже усмотрѣть въ такой механической исповѣди. А бываютъ и такіе исповѣдники, которые даже не желаютъ признать себя грѣшными въ тѣхъ отдѣльныхъ грѣхахъ, которые называетъ священникъ, а просто говорятъ: "грѣшенъ, какъ всѣ" или "грѣшенъ обыкновенными человѣческими грѣхами", причемъ подъ этими "обыкновенными человѣческими грѣхами" они часто разумѣютъ грѣхи, признаваемые Церковью весьма тяжкими, требующими сердечнаго сокрушенія и непремѣннаго оставленія ихъ, къ чему, видимо, не имѣетъ

никакого расположенія исповѣдникъ, считающій, что послѣ исповѣди онъ можетъ со спокойной совѣстью продолжать свою прежнюю грѣховную жизнь до слѣдующей исповѣди.

Вотъ одно изъ главнѣйшихъ золъ современной жизни, которое никакъ не долженъ оставлять безъ вниманія духовникъ, желающій быть не механическимъ отправителемъ Таинствъ — "требоисправителемъ", — но истиннымъ пастыремъ.

Нелегка задача духовника, который рѣшается исповѣдывать не механически, а по-настоящему. Для этого ему необходимо сокрушить тотъ духъ "окамененнаго нечувствія", который сталъ обычнымъ явленіемъ въ современныхъ христіанахъ. Прекраснымъ пособіемъ ему для этого можетъ послужить книга: "*Исповѣдь*» Митрополита Антонія — изъ воспоминаній по его лекціямъ, изданная заграницей, въ Варшавѣ въ 1928 году. Основная идея этой замѣчательной книги это — дать пастырю-духовнику руководственныя указанія, какъ пробудить въ приходящемъ на исповѣдь духъ истиннаго покаянія, сердечнаго сокрушенія о своихъ грѣхахъ и намѣреніе исправить впредь свою жизнь. А это вѣдь и есть главная задача каждаго духовника, желающаго совершать Таинство исповѣди не механически, а по-настоящему, не исполняя только традиціонный обычай, какъ многіе привыкли смотрѣть на исповѣдь, а дѣйствительно возраждая кающагося къ новой жизни "вторымъ крещеніемъ", "примиряя и соединяя" его вновь Святѣй Христовой Церкви. Для этого необходимо такъ подойти къ кающемуся, такъ расположить и настроить его, чтобы душа его сама раскрылась передъ духовникомъ и чтобы онъ чистосердечно исповѣдалъ всѣ свои грѣхи, ничего не утаивая, ибо грѣхъ, сознательно скрытый, неисповѣданный, настолько тяготитъ и омрачаетъ душу, что, по словамъ Вл. Антонія, нерѣдко приводитъ къ самоубійству и, слѣдовательно, къ окончательной погибели души, хотя бы такой человѣкъ исправно приходилъ на исповѣдь, слѣдуя привычкѣ и обычаю исповѣдываться передъ праздникомъ Пасхи, какъ это многіе дѣлаютъ, не думая серьезно о необходимости кореннымъ образомъ исправить свою жизнь.

Дабы исповѣдь была полной и откровенной, а, слѣдовательно, настоящей и спасительной, пастырь-духовникъ прежде всего долженъ и въ повседневной своей жизни, общаясь со своими пасомыми, держать себя съ ними такъ же, какъ онъ держитъ себя на исповѣди. Это и подчеркиваетъ въ своей книгѣ Митроп. Антоній, говоря: "Исповѣдь, совершаемая служителемъ Христа, есть такое дѣло, которое въ нѣкоторомъ смыслѣ должно сопровождать всѣ его отношенія къ вѣрующимъ. Называя священниковъ духовными отцами, христіане сознаютъ, что такіе избранники Божіи имѣютъ право и обязанность постоянно взывать къ голосу ихъ совѣсти и требовать открытія имъ своей души".

Это и есть самое важное условіе успѣшнаго духовничества.

† Еп. Аверкій.

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова.

О МОЛИТВѢ ІИСУСОВОЙ.

Ученикъ. Изъ какихъ словъ состоитъ молитва Іисусова?

Старецъ. Она состоитъ изъ слѣдующихъ словъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Нѣкоторые Отцы *) раздѣляютъ молитву, для новоначальныхъ, на двѣ половины и повелѣваютъ отъ утра, примѣрно, до обѣда говоритъ: Господи, Іисусе Христе, помилуй мя, а послѣ обѣда: Сыне Божій, помилуй мя. Это — древнее преданіе. Но лучше пріучиться, если то можно, къ произношенію цѣльной молитвы. Раздѣленіе допущено по снисхожденію къ немощи немощныхъ и новоначальныхъ.

Ученикъ. Помянуто-ли о Іисусовой молитвѣ въ Священномъ Писаніи?

Старецъ. О ней говорится въ святомъ Евангеліи. Не подумай, что она — установленіе человѣческое: она — установленіе Божественное. Установилъ и заповѣдалъ священнѣйшую молитву Іисусову Самъ Господь нашъ, Іисусъ Христосъ. Послѣ Тайной Вечери, на которой сотворено величайшее изъ таинствъ христіанскихъ — святая Евхаристія, Господь, въ прощальной бесѣдѣ съ учениками Своими, предъ исшествіемъ на страшныя страданія и крестную смерть для искупленія ими человѣчества погибшаго, преподалъ возвышеннѣйшее ученіе, и важнѣйшія, окончательныя заповѣди. Между этими заповѣдями Онъ даровалъ дозволеніе и заповѣданіе молиться именемъ Его **) **Аминь, аминь глаголю вамъ,** сказалъ Онъ Апостоламъ, **яко елико аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ** (Іоан. XVI, 23). **Еже аще что просите отъ Отца во имя Мое, то сотворю; да прославится Отецъ въ Сынѣ. И аще чесо просите во имя Мое, Азъ сотворю** (Іоан. XIV, 13-14). **Доселе не просисте ничесоже во имя Мое: просите, и пріимете, да радость ваша исполнена будетъ** (Іоан. XVI, 24). Величіе имени Господа Іисуса Христа предвозвѣщено Пророками. Указывая на имѣющее совершиться искупленіе человѣковъ Богочеловѣкомъ, Исаія вопіетъ **Се Богъ Мой, Спасъ мой! Почерпите воду съ веселіемъ отъ источникъ спасенія! И речеши въ день онъ: хвалите Господа, воспойте имя Его: поминайте, яко вознесеся имя Его; хвалите имя Господне, яко высокая сотвори** (Исаіи XII, 2-4). **Путь Господень — судъ: упо-**

---

*) Преподобный авва Дороѳей, житіе преподобнаго Досиѳея, преподобный Григорій Синаитъ, Добротолюбіе, ч. 1-я.

**) О безмолвіи о молитвѣ Каллиста и Игнатія Ксанфопуловъ, гл. 10, Доброт.

вахомъ во имя Твое, и память, еяже желаетъ душа наша (Исаіи 26, 8). Согласно съ Исаіею предрекаетъ Давидъ: **Возрадуемся о спасеніи Твоемъ, и во имя Господа Бога нашего возвеличимся. Имя Господа Бога нашего призовемъ** (Псал. 19, 6, 8). **Блажени людіе, вѣдущіи воскликновеніе** — усвоившіе себѣ умную молитву — **Господи, во свѣтѣ лица Твоего пойдутъ, и о имени Твоемъ возрадуются весь день, и правдою Твоею вознесутся** (Псал. 83, 16-17).

Ученикъ. Въ чемъ заключается сила молитвы Іисусовой?

Старецъ. Въ Божественномъ имени Богочеловѣка, Господа и Бога нашего, Іисуса Христа. Апостолы, какъ видимъ изъ книги Дѣяній ихъ и изъ Евангелія, совершали великія чудеса именемъ Господа Іисуса Христа: исцѣляли недуги, неисцѣлимые средствами человѣческими, воскрешали мертвыхъ, повелѣвали бѣсамъ, изгоняли ихъ изъ одержимыхъ ими человѣковъ. Однажды, вскорѣ послѣ вознесенія Господня на небо, когда всѣ двѣнадцать Апостоловъ пребывали еще во Іерусалимѣ, два изъ нихъ, Петръ и Іоаннъ, пошли для молитвы въ храмъ Іерусалимскій. Къ вратамъ храма, называемымъ красными, ежедневно выносили хромого отъ рожденія, и полагали на помостъ: хромой не могъ ни ходить, ни стоять. Поверженный у вратъ, страдалецъ просилъ у входившихъ въ храмъ милостыню, которою, какъ видно, питался. Когда Апостолы приблизились къ краснымъ вратамъ, — хромой устремилъ къ нимъ взоры, ожидая получить подаяніе. Тогда святый Петръ сказалъ ему: **сребра и злата нѣсть у мене; но еже имамъ, сіе ти даю: во имя Іисуса Христа, Назорея, возстани и ходи** (Дѣян. 3, 6). Увѣчный исцѣлѣлъ мгновенно, вошелъ въ храмъ съ Апостолами, и громко прославлялъ Бога. Народъ, пораженный удивленіемъ, сбѣжался къ Апостоламъ. **Мужіе Исраильтяне!** сказалъ святый Петръ собравшемуся народу: **что чудитеся о семъ? или на ны что взираете? яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его ходити? Богъ Авраамовъ, и Ісааковъ, и Іаковль, Богъ отецъ нашихъ, прослави отрока Своего, Іисуса: и о вѣрѣ имени Его сего, его же видите и знаете, утверди имя Его** (Дѣян. 3, 12-16). Вѣсть о чудѣ вскорѣ пронеслась до враждебнаго Господу Іисусу Синедріона *). Встревожился Синедріонъ вѣстію, схватилъ Апостоловъ, отдалъ подъ стражу, а на слѣдующій день позвалъ ихъ къ суду предъ полное собраніе свое. Призванъ былъ и исцѣленный хромецъ. Когда Апостолы встали посреди сонмища богоубійцъ, недавно заклеймившихъ себя казнію Богочеловѣка, во имя и именемъ Котораго теперь совершено поразительнѣйшее чудо предъ множествомъ очевидцевъ-свидѣтелей, — данъ былъ Апостоламъ вопросъ: **Коею силою, или коимъ именемъ сотвористе вы сіе?** Петръ, исполнившись Святаго Духа, отвѣчалъ словами Святаго Духа, которыя заключались

*) Синедріономъ называлось верховное духовное судилище Іудеевъ.

слѣдующими: **Разумно буди всѣмъ вамъ и всемъ людемъ Ісраилевымъ, яко во имя Іисуса Христа, Назорея, Его же вы распясте, Его же Богъ воскреси отъ мертвыхъ, о Семъ сей стоитъ предъ вами здравъ: нѣсть бо иного имене подъ небесемъ, даннаго въ человѣцѣхъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ** (Дѣян. IV, 10, 12). Запечатлѣлись молчаніемъ уста враговъ Божіихъ предъ непреоборимою силою глаголовъ небесной истины; не нашлось многочисленное сонмище мудрыхъ и сильныхъ, что сказать и чѣмъ возразить на свидѣтельство Святаго Духа, возвѣщенное двумя некнижными рыбарями, запечатлѣнное небесною печатію — Божіимъ чудомъ. Синедріонъ прибѣгаетъ къ своей власти, къ насилію. Несмотря на явное чудо, несмотря на свидѣтельство, данное истинѣ Самимъ Богомъ, Синедріонъ запрещаетъ настрого Апостоламъ учить о имени Іисуса, даже произносить это имя. Но Апостолы отвѣчали дерзновенно: **аще праведно есть предъ Богомъ, васъ послушати паче Бога, судите: не можемъ бо мы, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати** (Дѣян. IV, 19, 20). Синедріонъ опять не находитъ возраженія, опять прибѣгаетъ исключительно къ своей власти, повторяетъ строгое воспрещеніе. Онъ отпустилъ Апостоловъ, ничего не сдѣлавъ имъ, хотя и желалъ излить на нихъ изступленную злобу: чудомъ всенароднымъ связывались и настроеніе его и дѣйствіе. Петръ и Іоаннъ, возвратившись къ своимъ, передали имъ угрозы и воспрещеніе верховнаго судилища. Тогда двѣнадцать Апостоловъ и всѣ члены новорожденной Іерусалимской Церкви пролили единодушно пламенную молитву къ Богу: молитву противопоставили они силѣ и ненависти міродержителей — человѣковъ и демоновъ. Молитва эта заключалась слѣдующимъ прошеніемъ: **Господи! призри на прещенія ихъ, и даждь рабомъ Твоимъ со всякимъ дерзновеніемъ глаголати слово Твое, внегда руку Твою простерти Ти во исцѣленія, и знаменія, и знаменіемъ и чудесемъ бывати именемъ святымъ отрока Твоего Іисуса** (Дѣян. IV, 29 30).

(Продолженіе слѣдуетъ)